

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

(наименование института полностью)

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»
(наименование)

45.03.01 Филология

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Отечественная филология (русский язык и русская литература)
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Фитонимическая лексика в поэзии О. Седаковой»

Студент

К. И. Жукова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

кандидат филологических наук, доцент, О. Д. Паршина

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Аннотация

бакалаврской работы

Бакалаврская работа Кристины Игоревны Жуковой выполнена на тему «Фитонимическая лексика в поэзии О. Седаковой». Объект исследования составил современный поэтический текст. Предметом исследования выступила фитонимическая лексика в сборнике О. Седаковой, рассмотренная как символическое и метафорическое употребление фитонимов, а также особенности употребления фитонимов как средств выразительности, в частности эпитетов в сборнике О. Седаковой «Стихи» (1994).

Цель бакалаврской работы состоит в том, чтобы классифицировать, а также охарактеризовать семантику и функционирование фитонимической лексики в поэтическом сборнике О. Седаковой «Стихи».

Основные решаемые задачи: обобщить существующие в лингвистической литературе точки зрения на сущность понятия «фитонимическая лексика» и принципы ее классификации, рассмотреть различные аспекты изучения образов фитонимов в поэзии О. Седаковой на основе анализа лингвистической литературы, методом сплошной выборки отобрать примеры словоупотребления фитонимической лексики из сборника О. Седаковой «Стихи», определить символическое и метафорическое употребление фитонимов, а также особенности употребления фитонимов как средств выразительности, в частности эпитетов в сборнике О. Седаковой «Стихи», выполнить тематическую классификацию символических и метафорических образов фитонимов в сборнике О. Седаковой «Стихи».

Бакалаврская работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы, включающего 58 источников.

Основные результаты исследования.

1. В сборнике О. Седаковой «Стихи» основу формирования образности составляют символическое и метафорическое употребление фитонимов, а также особенности употребления фитонимов как средств выразительности, в частности эпитетов.

2. В символическом употреблении фитонимов в сборнике О. Седаковой «Стихи» в значительной степени разработана символика цвета. Символы могут быть подразделены на словесные и несловесные. Словесный символ имеет два характера: речевой, индивидуально-авторский и устойчивый, языковой. Источниками словесной символизации становятся два типа ассоциирования: метафорическое и метонимическое.

3. Анализ отобранного материала в сборнике О. Седаковой «Стихи» показал, что специфика значения метафор и метафорических номинаций состоит в их семантической многоплановости.

4. В сборнике О. Седаковой «Стихи» кроме основного и вспомогательного субъектов следует выделять: аспект сравнения, определяющий сферу соответствия элементов метафоры; их общий признак – *terium comparationis* (третий компонент сравнения). В сборнике О. Седаковой «Стихи» эпитеты выступают как семантически многоплановое наименование, используемое в качестве декоративных средств художественной речи.

Апробация исследования. Результаты данного исследования были апробированы на внеклассном мероприятии (7 класс) в период прохождения педагогической практики в МБОУ СОШ №5 г. Пыть-Ях; изложены в докладах, сделанных на конференциях «Молодежь. Наука. Общество» (декабрь 2019) и «Дни науки в ТГУ» (апрель 2020) и рекомендованы к печати в сборнике научных статей по итогам конференции.

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1 Теоретические основания проблемы функционирования фитонимов в художественном тексте	9
1.1. Фитонимы и принципы их описания в лингвистической литературе.....	9
1.2. Фитонимы в художественном тексте: принципы классификаций и анализа	14
1.3. Средства выразительности, основанные на символической интерпретации действительности	18
Глава 2 Особенности употребления фитонимов в творчестве О. Седаковой.....	29
2.1. Классификация фитонимов.....	29
2.2. Символическое употребление фитонимов в поэзии О. Седаковой.....	34
2.3. Метафорическое употребление фитонимов в поэтическом тексте О. Седаковой.....	39
2.4. Фитонимы как средства выразительности	44
Заключение	50
Список используемой литературы и используемых источников.....	53
Приложение А Третий компонент сравнения в метафорических наименованиях фитонимов в поэтическом тексте О. Седаковой.....	59
Приложение Б Примеры анализа символического и метафорического употребления фитонимов, а также особенностей употребления фитонимов как средств выразительности, в частности эпитетов из сборника О. Седаковой «Стихи»	65
Приложение В Внеклассное мероприятие	72

Введение

Фитонимическая лексика всегда была в центре внимания исследователей. Ученые рассматривали основные классификации фитонимов (Т. Ю. Капишева, А. М. Летова и др.), разрабатывали основания для классификаций типов и функций фитонимов в художественном тексте (Е. Н. Матвеева). Анализ фитонимической лексики и фразеологии различных языков представлен в исследованиях А. М. Летовой, И. В. Буйленко, О. В. Худенцовой, Т. Ю. Капишевой, Е. Ю. Фетюшиной и др.

Выявленные исследователями параметры предполагают возможность обращения к разным характеристикам этого феномена. В частности, рассмотрение фитонимов как средств создания художественной выразительности текста представлено в работах Е. Н. Матвеевой «Реализация предметных и эстетических значений в функционально-семантическом поле флористики в поэзии Игоря Северянина» (2008), М. П. Муравицкой «Поэтический язык и духовная культура: символика лазури» (1991), О. Н. Семёновой «О поэзии Иннокентия Анненского» (1981) и т.д.

О. А. Седакова – известный современный поэт, эссеист, литературный критик. Однако ее творчество еще недостаточно изучено. Тем не менее в своих произведениях О. Седакова активно использует фитонимическую лексику, поэтому представляется **актуальным** проанализировать символическое и метафорическое употребление фитонимов, а также особенности употребления фитонимов как средств выразительности на материале поэзии О. Седаковой.

В качестве **объекта** исследования было определено функционирование фитонимической лексики в современном поэтическом тексте.

Предмет исследования составили символическое и метафорическое употребление фитонимов, а также особенности употребления фитонимов как средств выразительности в сборнике О. Седаковой «Стихи» (1994).

Цель бакалаврской работы состоит в том, чтобы классифицировать, а также охарактеризовать семантику и функционирование фитонимической лексики в поэтическом сборнике О. Седаковой «Стихи».

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Обобщить существующие в лингвистической литературе точки зрения на сущность понятия «фитонимическая лексика» и принципы ее классификации.

2. Рассмотреть различные аспекты изучения образов фитонимов в поэзии О. Седаковой на основе анализа лингвистической литературы.

3. Методом сплошной выборки отобрать примеры словоупотребления фитонимической лексики из сборника О. Седаковой «Стихи».

4. Определить символическое и метафорическое употребление фитонимов, а также особенности употребления фитонимов как средств выразительности, в частности эпитетов в сборнике О. Седаковой «Стихи».

5. Выполнить тематическую классификацию символических и метафорических образов фитонимов в сборнике О. Седаковой «Стихи».

Методы исследования. Общетеоретические методы анализа и синтеза позволили выявить точки зрения различных ученых на проблему, определить базовые понятия и обобщить теоретический материал по данной проблеме, а также сделать соответствующие выводы. Метод сплошной выборки примеров фитонимической лексики из сборника О. Седаковой «Стихи» и метод контекстуального анализа позволили установить функциональные значения символического и метафорического употребления фитонимов, а также особенности употребления фитонимов как средств выразительности, в частности эпитетов, в творчестве поэта.

Материалом для исследования послужили примеры символического и метафорического употребления фитонимов, а также особенностей употребления фитонимов как средств выразительности, в частности эпитетов в поэтическом сборнике О. Седаковой «Стихи». В результате анализа

произведений этого сборника было отобрано более 150 словоупотреблений фитонимов.

Научная новизна и теоретическая значимость работы заключается в том, что удалось определить символическое и метафорическое употребление фитонимов, а также особенностей употребления фитонимов как средств выразительности, в частности эпитетов в поэзии О. Седаковой, классифицировать примеры фитонимической лексики по ряду параметров, определить функциональную значимость каждого средства.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. В сборнике О. Седаковой «Стихи» основу формирования образности составляют символическое и метафорическое употребление фитонимов, а также особенности употребления фитонимов как средств выразительности, в частности эпитетов.

2. В символическом употреблении фитонимов в сборнике О. Седаковой «Стихи» в значительной степени разработана символика цвета. Символы могут быть подразделены на словесные и несловесные. Словесный символ имеет два характера: речевой, индивидуально-авторский и устойчивый, языковой. Источниками словесной символизации становятся два типа ассоциирования: метафорическое и метонимическое.

3. Анализ отобранного материала в сборнике О. Седаковой «Стихи» показал, что специфика значения метафор и метафорических номинаций состоит в их семантической многоплановости.

4. В сборнике О. Седаковой «Стихи» кроме основного и вспомогательного субъектов следует выделять: аспект сравнения, определяющий сферу соответствия элементов метафоры; их общий признак – *terium comparationis* (третий компонент сравнения).

5. В сборнике О. Седаковой «Стихи» эпитеты выступают как семантически многоплановое наименование, используемое в качестве декоративных средств художественной речи.

Самостоятельность исследования состоит в том, что проанализирована роль символического и метафорического употребления фитонимов, а также особенностей употребления фитонимов как средств выразительности в поэзии О. Седаковой, выявлено их активное участие в создании художественной образности, рассмотрены примеры фитонимической лексики по ряду параметров, составлена их классификация.

Практическая значимость бакалаврской работы заключается в том, что ее материалы и результаты могут быть использованы на занятиях по русскому языку и литературе в школе и вузе.

Апробация исследования. Результаты данного исследования были апробированы на внеклассном мероприятии (7 класс) в период прохождения педагогической практики в МБОУ СОШ №5 г. Пыть-Ях; изложены в докладах, сделанных на конференциях «Молодежь. Наука. Общество» (декабрь 2019) и «Дни науки в ТГУ» (апрель 2020) и рекомендованы к печати в сборнике научных статей по итогам конференции (приложение В).

Результаты бакалаврской работы опубликованы в виде статей:

1. Фитонимы «сад» и «роза» в поэзии О. Седаковой в электронном сборнике студенческих работ Всероссийской студенческой научно-практической междисциплинарной конференции «Молодежь. Наука. Общество» (г. Тольятти, 2019 г.);

2. Символическое употребление фитонимов в поэзии О. Седаковой в сборнике научных трудов научно-практической конференции «Дни науки в ТГУ» (г. Тольятти, 2020 г.)

Структура бакалаврской работы подчинена логике исследования и состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы, который насчитывает 58 источников, приложений.

Глава 1 Теоретические основания проблемы исследования

1.1 Фитонимы и принципы их классификации в лингвистической литературе

В лингвистической литературе существует много работ, посвященных анализу фитонимической лексики и фразеологии различных языков (О. И. Блинова, А. С. Разина, Л. В. Воронина, Н. Б. Кудрявцева, Р. Р. Гималетдинова, Н. И. Коновалова, А. М. Летова, И. В. Буйленко, О. В. Худенцова, Т. Ю. Капишева, Е. Ю. Фетюшина, О. В. Шарая). Отмеченные параметры предполагают возможность обращения к разным характеристикам этого феномена.

Так, в работе «Фразеологическая категоризация в сфере фитонимии русского и немецкого языков» Т. Ю. Капишевой выявляются и описываются структурно-семантические и когнитивные категории в русской и немецкой фитофразеологии, сопоставляются их совпадающие черты [Капишева 2009: 56-61].

В электронном издании «Грани познания» И. В. Буйленко рассматриваются ключевые параметры поля, объясняются основные положения концепции полевой организации в языковой системе, описывается кодификация поля, делается акцент на концепцию смыслового значения поля и главному признаку полевых структур [Буйленко 2012:1].

Под фитонимами понимаются названия растений (от греч. *phytón* «растение» и *ónoma* «название, имя»). Царство растений с давних пор оказывает большое влияние на людей. С самого начала своего существования на земле человек наблюдал за растениями, тщательно изучал их полезные и вредные свойства. Каждый этнос, в соответствии с его географическим месторасположением, имеет дело с общими и особыми видами растений. Сделать растения объектом исследования науки флористики позволил их многовековой опыт изучения. Термин флора от латинского *floris* «цветок» понимается сейчас как «эволюционно - исторически сложившийся комплекс

растений, которые произрастают на конкретной территории или в составе индивидуального растительного сообщества, имеющего пространственную характеристику [Капишева 2009:132].

Мир растений по-своему специфичен и невероятно уникален. Деревья, цветы, травы в сознании народов являются хранителями древнейших традиций, а также применяются именно в создании образа «совершенного» человека. Растительный мир активно участвует в жизни людей, сопровождая их с рождения и до смерти. Символические действия с растениями определяют ключевые этапы в жизни человека, помогают увидеть тот или иной путь уготовленный ему судьбой. Растения часто используются во фразеологических оборотах, аллегорических выражениях, а также поэзии.

Во всех языках в составе многих фразеологических единиц, поэтических текстов стоят названия растений (микрофитонимы и макрофитонимы), природных материй, а также повседневной действительности, относящейся к растительному миру.

Микрофитонимы – это те или иные элементы растения: сук, стебель, ствол, лист, корень [Худенцова 2008:150].

Макрофитонимы это – объединение растительных видов, которые обитают на отдельной местности, например, бор (множество сосен), лес (скопление деревьев, трав, кустарников, цветов и т.д.), поле (злаковые культуры, растения сельскохозяйственного значения), луг (разнотравие), сад и огород (овощи, фрукты, ягоды, цветы) [Капишева 2009:133].

В лексической системе языка фитонимы представляют собой совокупность нескольких лексико-семантических групп. В лингвистике лексико-семантическая группа это соединение слов одной части речи с основным компонентом значения. Лексико-семантическая группа представляется внутри семантических полей. Основы теории полевых структур в языке, основные характеристики поля, а также классификации поля описаны в работе И. В. Буйленко [Буйленко 2012:1]. Семантическое поле – самая большая смысловая парадигма, которая соединяет слова

различных частей речи, значения которых имеют один общий семантический признак. Например: (температурные прилагательные): холодный, теплый, горячий, ледяной, обжигающий, прохладный и т.д. [Буйленко 2012:90].

В структуре «фитонимов» ученые выделяют несколько лексических и семантических классов на базе определенной системы, которая отображена в лингвистических словарях.

Так, в работах М. А. Бобуновой, Ю. А. Дьяченко, Н. А. Гончаровой и др. представлена следующая классификация фитонимов [Цит. по: Летова 2012:10]:

1. Дендронимы (классы: названия деревьев и их плодов (дерево, клён, осина, ель, апельсин), названия кустов (сирень, дейция);
2. Растение (его элементы) – (ствол, корни, крона);
3. Некультивируемые травы (репейник, мать-и-мачеха);
4. Ягоды (черника, костяника);
5. Культивируемые растения (классы: садовые цветы (фиалка), названия бобовых (баугиния, эвдикоты), названия овощей (редис), названия злаковых (ячмень, дагусса, овёс);
6. Грибы (подосиновик, грузди).

Т.Ю. Капишева представляет классификацию фитонимов на базе фразеологизмов [Капишева 2009:109]:

1. Мир флоры: названия дендронимов, названия кустов; растения (его элементы) – (ствол, корни, крона); фитонимы некультивируемых трав.
2. Травы: трава, сорняки; бобовые растения; чистотел, купальница плющ; петрушка.
3. Деревья: клён, осина, ель и др.
4. Злаки: фитонимы злаковых культур: пшеница, овес, рожь.
5. Овощи и зелень: наименования бобовых культурных растений: горох, боб; наименование корнеплодов: репа; зелень: петрушка.
6. Полезные растения промышленного значения: рогоза, камыш, тростник, крапива, щавель.

7. Цветы: садовые цветы: мак роза; полевые цветы: незабудки, васильки.

8. Вредные растения: репейник, полынь.

9. Сельское хозяйство: пшеница, рожь, ячмень.

Значение фитонимов предполагает совместно с референтом «растение» часть языковой действительности, которая имеет закономерное развитие своего значения, парадигматические связи, которые являются комплексом определённых систем.

Образы растений популярны и в литературном творчестве, потому как выступают в нем в качестве художественных приемов, которые создают образность, которая несёт своё определённый смысл. Фитонимы являются собой важную часть языковой картины мира, ведь они окружают и создают место пребывания человека, давая ему все необходимое для существования. Их деятельность в развитии языковой картины мира многоаспектна и предопределена условиями жизни народов. Обращаясь к различным языкам мира, мы не в каждом сможем найти название того или иного фитонима. Такие слова, обозначая одно и то же, могут иметь отличительную семантическую структуру. Растения бытуют с человеком довольно близко, и, благодаря их определённым свойствам, у этноса может сформироваться определённое видение на окружающую его среду.

Благодаря растениям и им определённым свойствам, в том числе и которыми их наделят сам человек, у того или иного этноса определяется особое, отличительное отношение к окружающей действительности. Фитонимы способствуют расширению национального словаря этноса, представляя собой не просто часть растительного мира, которая обладает характерными ему признаками, но и неся в себя определённую модальность.

Язык формирует знания человека о мире. В связи с самосознанием русского народа происходит актуализация проблемы соотношения языка и культуры. Человек в процессе познания мира выражает свое отношение к действительности, к конкретным предметам, историческим периодам.

Система ценностей по отношению к разным сферам жизни общества развивается и меняется вместе с ними. Важную роль в создании языковой картины мира играют лексемы с предметно-вещественным значением. К ним относятся и наименования растительного мира, т.е. наименования деревьев, цветов, трав, овощных, ягодных культур. Анализ состава фитонимов в разных языках говорит о разнообразии и особенностях природных артефактов. Фитонимическая лексика занимает значительное место в литературном языке и их частей [Писарская, Якименко, 2017:88].

Названия растений в лингвистике называют фитонимами. Т. Р. Писарская и Н. Е. Якименко, ссылаясь на Л. Ф. Пуцилёву, определяют фитонимы как лексемы, обозначающие в прямом значении наименования всех объектов, принадлежащих к растительному миру, наименований как самих растений, так и их частей [Писарская, Якименко, 2017:88].

Е. Г. Галицина утверждает, что фитонимы располагают к их рассмотрению с таких сторон как – языковедческая, травоведческая и философская. Травоведение – это отрасль естествознания, в которой собран некий материал о растениях и их характеристиках (цвет, форма, строение, место произрастания), который и послужил мотивом образования их названий. В философии фитонимы рассматриваются как понятия, под которыми понимается природный образ, отражающий естественные функции и характеристики, которые существуют в действительности. В своём проявлении подобные названия являются свободными в отличие от других лексических единиц.

Значительное место в анализе растительной лексики занимает вопрос об установлении полного значения термина «фитоним», поскольку в лингвистике не выявлено традиционное определение данного понятия, он существует как в широком, так и в узком восприятии. В исследовании языкознания этот термин был впервые использован А. В. Суперанской в ее труде «Общая теория имени собственного» [Суперанская, 1973:367].

Далее термин «фитоним» употреблялся с семантикой имени собственного растения Н. В. Подольской в своем труде «Словарь русской ономастической терминологии» [Подольская, 1978:200]. Ученые считают, что фитонимы могут обозначать терминологической лексикой все растения (клубника, рябина, петрушка).

Ф. И. Буслаев изучал фитонимы с точки зрения мифологии. Он впервые установил связь названий растений с жизнедеятельностью этноса, с его обычаями и верованиями [Буслаев, 1861:643].

Н. И. Толстой в своих трудах, в которых освящен контекст культуры, акцентировал внимание на обозначении растительной среды [Толстой, 1998:88-125].

Н. И. Коновалова считает, что растения употребляются в лексико-семантическом плане языка, при этом выполняя не только назывную, но и практическую, аксиологическую, эмоциональную и другие функции, подобные слова равноправны с любыми другими [Коновалова, 2000:233].

На сегодняшний день в языкознании проводится анализ фитонимической лексики. Главной его задачей является объяснение религиозных аспектов, которые связаны с названиями растений. Потому описание пересекает границу природного мира и переходит в среду широкого культурного контекста.

Фитонимы, будучи словами, нагруженными с культурной точки зрения, попадают в поэтический текст и влекут за собой шлейф культурных ассоциаций.

1.2 Фитонимы в художественном тексте: принципы классификаций и анализа

Названия растений хранят в себе культурные и социальные особенности жизни человека. Рассматривая период от фольклорных текстов до современной литературы, можно предположить, что фитонимы упоминаются абсолютно в каждом произведении. В статье Т. Х. Кхонг

«Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся» фитонимы рассматриваются, как внутренние формы коннотации в аспекте изучения русского языка как иностранного [Кхонг, 2016: 377]. Названия цветов в русской литературе встречаются у И. Северянина, А. Ахматовой, Н. Гумилева, А. Фета, – это те авторы, тексты которых уже были проанализированы. Так, Е. Ю. Фатюшина отмечает, что дикорастущие цветы употребляются поэтами чаще, чем полевые: «колокольчики, ромашки, одуванчики, незабудки (И. Северянин), ландыши (А. Фет) [Фатюшина, 2013: 421-426]. Е. Н. Матвеева в своей статье «Реализация предметных и эстетических значений в функционально-семантическом поле флористики в поэзии Игоря Северянина» говорит о том, что в его поэзии фитонимы являются текстовым символом, который вмещает обозначаемый предмет, поэтические устои и особые авторские значения, взаимодействуя с остальными деталями [Матвеева, 2008: 26-31].

При выборке исследователь обнаружила, что наиболее важными цветами для творчества И. Северянина являются сирень (89 употреблений), роза (58) и лилия (37). Среди деревьев Северянин отдает предпочтение сосне (40), березе (25) и липе (22). При анализе поля «Трава» Матвеева говорит о том, что употребление данной группы в целом гораздо меньше, чем деревьев и цветов, что означает меньшую эстетическую значимость для поэта. Наиболее частотны среди трав камыш (9) и тростник (8). Особые авторские смыслы Е. Н. Матвеева находит в употреблении таких цветов, как лилии и фиалки. В творчестве И. Северянина оба цветка символизируют мечту, а также присутствует значение роскоши и изысканности (фиалковый ликер, в лилии журчащее искристо); также Е. Н. Матвеева выделяет такие примеры как:

- облик человека: *часто вы мне представлялись ромашкой – этим милым, добрым цветком; эта невесёлая девушка – как увядший тюльпан;*
- части тела человека: *её глаз васильковая глубь, лилиевое тело;*

– музыка: *розы ароматный звон; одуванчики ли цветут? Поколебался стих ли музыкальный...*

Растения в литературе употребляются в роли особого специфического образа, скрытого сравнения. Поэты пробуют различные типы переноса названий и средства выражения дифференцированных отношений. Одна из сторон изучения лексики художественной литературы – это исследование тематических разрядов фитонимов в литературе.

Анализируя фитонимы в художественном тексте, мы можем пользоваться уже существующей классификацией. В данной работе мы рассмотрели три классификации: Л. Ф. Пуцилёвой, А. М. Летовой, В. В. Сальниковой.

Л. Ф. Пуцилёва представляет классификацию таким образом [Пуцилева, 2009:17]:

1. В тематическом отношении выделяются:

а) фитонимы с семантикой переноса образа и свойств человека на неодушевлённый предмет: *жёрдочка, обрубок, дубушка:*

- фитонимы, значение которых связано с внешним видом, ростом, телосложением, физическим состоянием, возрастом: *низкий рост и негармоничное телосложение вербализируется в фитоморфизмах сморчок, стручок, коряга;*

- фитонимы, обозначающие качества характера и поведение человека: *дичок – застенчивый, дуб, пень – равнодушный.*

б) фитонимы с коннотациями, не имеющими антропоморфного значения: *малая часть – зерно, молодежь – поросль.*

2. На основании ценностного принципа выделяются фитонимы с отрицательной (пейоративной), положительной (мелиоративные) и нейтральной оценкой. Такие оттенки характеристики семантики в строении лексемы дают возможность носителю в метафорической форме выразить отношение к действительности. Граммемой эмоционального элемента зачастую выступают уменьшительно-ласкательные суффиксы: *цветочек,*

ягодуличка. Нередко граммема приобретает семантику уменьшительной формы: *огуречик, берёзонька, рябинушка*.

Тематические разряды фитонимов, составленные благодаря языковедческим и ботаническим словарям, показаны А. М. Летовой в своем труде таким образом:

1. Названия деревьев и плодов: *дерево, осина, тополь, ель, груша, айва, берёза, яблоня, яблоки, слива, персик и т.д.*

а) названия кустов: *куст, сирень, барбарис*;

б) имена героев сказок с коннотативным значением дерева: *Ветродуб, Дубыня-богатырь, Ель-богатырь*.

2. Фитонимы, имеющие количественно-разделительное значение: *ствол, ветки, корень*.

3. Фитонимы некультивированных трав: *трава, мать-и-мачеха, аир*.

4. Фитонимы ягод: *ягода, костяника, земляника*.

5. Фитонимы огородных растений:

а) садовые цветы: *роза, хризантемы, фиалки*;

б) названия корнеплодов: *свекла, редька, морковь*;

в) названия бобовых растений: *боб, нут, фасоль*;

г) фитонимы злаковых растений: *ячмень, тритикале, пшеница*.

6. Названия грибов: *гриб, лисичка, подосиновик* [Летова, 2012: 96-100].

А. М. Летова рассредоточила фитонимы по следующим семантическим группам, давая возможность определить логически закономерные понятия названия растений:

1. Названия по специфическим внешним характеристикам растений: *осина, ель, боярышник, ирга, цветы, кусты*.

2. Названия по признакам растения, специфики его существования в природе: *колоски, ясень, тополь, репейник, ива*.

3. Номинация растений по месту и способу произрастания растений: *листки, грибы, подосиновик*.

4. Названия растений по способу использования в быту: *дерево, трава, бобы*.

5. Номинация растений по запаху: *мята, душица*.

6. Номинация растения по специфике плода: *ягода, фрукты*.

В определённых моментах отнесение некоторых лексических единиц к каким-либо тематическим видам вызывает споры исследователей. В. В. Сальникова представляет также классификацию фитонимов по тематическому признаку [Сальникова, 2014]:

1. Деревья.

2. Кустарники.

3. Травы.

4. Цветы.

5. Ягоды и плоды.

6. Овощи.

7. Грибы.

8. Элементы растений.

При более детальном изучении фитонимов в лирике О. Седаковой возможно обращение к классификациям других ученых. Разные этапы исследований могут включать разные классификации.

1.3 Средства выразительности, основанные на символической интерпретации действительности

Символ представляет собой «четко ощущаемое сверхчувственное изображение» [Резчикова, 2004:60], осознанное как знак отвлеченного определения. Из этого следует, что смежным родовым определением для понятия символ является знак.

Символизацию определим как разновидность опредмечивания. Будем различать два типа опредмечивания: 1) эксплицитное (символизация): *река времени* (предметный образ реки как символ абстрактной категории

времени); 2) имплицитное: *время течёт* (абстрактная категория времени в предметном образе реки).

Символы как «мостики от конкретного к абстрактному» помогают «объединению в одно целое известных представлений и понятий» [Кравченко, 2001: 206]. Например, понятия креста и идеи христианства, понятия звезды и представления о Красной армии. Так называемые символические иконы изображают «мир невидимый и духовный в виде объектов осязаемой окружающей среды». В достаточной мере разработана в русском и других языках символика цвета: *чёрные дни, чёрная роза печали, красный террор, коричневая чума, белье одежды, синяя птица счастья*. А. А. Блок активно использовал символику лазури [Муравицкая, 1991:38-41]; в системе цветовых символов И. Анненского жёлтый цвет спутник мотивов «смерти» ному и золотому» [Семёнова, 1982:82], что в целом соответствует общеязыковой символике указанных цветов: жёлтый цвет считается символом разлуки, розовый – радости: *розовые надежды, мечты, видеть что-л. в розовом свете* (цвете), *смотреть* на что-л. *сквозь розовые очки*. Пурпур как символ крови Христа в Византии был также и символом власти монарха – наместника Бога на земле; отсюда – одежда, пурпурные чернила как символы царской власти [Аверинцев, 1997:118-126].

В ассоциативном отношении символ, по определению Ю. М. Лотмана, есть «нечто среднее между синхронией текста и реминисценцией культуры» [Лотман, 1987:20]. В отличие от знаков «символы не понимают, их интерпретируют». Трактовка этих понятий вызывает трудности, поэтому символы предстают классическим объектом толкования, представления и языкознания (в словарях символов).

Мнения по поводу связей между означающим и означаемым символа различны. Ф. де Соссюр считает, что символ «не до конца произволен; он не вполне пуст, в нём есть рудимент непосредственной связи между означающим и означаемым» [Соссюр, 1998: 69]. А. Ф. Лосев полагает, что «символ есть арена встречи означающего и означаемого, которые не имеют

ничего общего между собою» [Лосев, 1991: 266]. В решении данного вопроса необходимо выделить две стороны: таксономическую и ассоциативную. В понятийно-таксономическом отношении означающее и означаемое символа никак не связаны и действительно ничего общего между собой не имеют, потому как конкретное и абстрактное определения не имеют таксономического взаимодействия, но связь не прямой ассоциации между ними безусловно есть – метонимическая или метафорическая. Действительная значимость символа непропорционально больше, чем на первый взгляд тривиальное значение, выражаемое его формой как таковой» [Сепир, 1993:205].

Словесное символотворчество указывает на один из магистральных путей знакообразования, однако важность понятия символизации далеко не адекватна степени его освоенности. Понятие символ несет в себе несколько трудных и двойственных трактовок в концепции философии и поэтического текста. Ю. М. Лотман обоснованно излагает, что слово «символ» является одним из самых полисемичных в конфигурации знаковый наук. Исходя из этого учёные подчеркивают неясную природу термина «символ». А. Ф. Лосев полагает, что и в искусстве, и в литературе термин символа остается одним из самых неясных, противоречивых и многозначных терминов. Мы считаем, что подобные трудности вытекают из четырех оснований.

Символ как фигура, которая состоит из классических свойств культуры, традиционно «находится в центре внимания русской философской мысли» Согласно метафизической теории символов, разрабатываемой в религиозной философии и богословии, любой сенсорно воспринимаемый предмет («феномен») либо его изображение или словесное обозначение является «зрительным» или «слуховым» (П. А. Флоренский) символом некой божественной или Космической идеи («эйдоса», «ноумена»). В таком понимании символ определяется как двуединство «феномена и ноумена», которые «взаимно доставляют точное выражение друг друга»

Истоки подобных взглядов на символ восходят к умозаключениям следующего рода: «Все наши знания связаны со знаками (signs). Мы замечаем вещи, однако заметить не значит познать, познанное же не дано нам в восприятии: «Мы знаем вещь, когда понимаем её, а понимаем, когда можем объяснить, что она означает». Макбет не знал, что три колдуньи были женщинами, поскольку их бороды не давали ему понять этого. Суть знака состоит в том, что он может быть усвоен и понят, так некие тучи отображают дождь [Тюрбейн, 1962:73]. Ошибка (потеря тезиса) либо софизм (подмена тезиса) в подобных рассуждениях кроется в отождествлении искусственного знака (в частности, символа) и естественного признака (симптома, приметы). Если любой объект является символом или знаком, т. е. артефактом, то это доказывает существование творца этих артефактов. В богословском трактате читаем: «Как можем мы представить Бога, находящегося выше человеческого воображения? Как можем обратиться к Богу, находящемуся вне пределов досягаемости человеческой речи? Эти сугубо богословские вопросы относятся практически к любой религии. Однако теистические религии, в частности христианство, иудаизм и ислам, ставят вопрос иначе, спрашивая не о том, как мы, люди, можем выразить истину Бога, но о том, как Бог в святом откровении даёт нам познать себя, в какой же форме и какими средствами Бог открывает нам свою природу и волю?» Такими средствами автор трактата считает метафору, символ и миф [Лосев, 1995:320].

Теперь назовём основные постулаты метафизического учения о символе:

1. Метафизически понимаемый символ непознаваем (и в этом отношении подобен «ding an sich» И. Канта) и семантически неисчерпаем: за ним «кроется некий неразгаданный икс», «тайна», такой символ «есть неисчерпаемый источник для всё новых и новых обнаружений». В контексте этой теории символ трактуется как «окно к другой сущности, не данной непосредственно», как «окно в Вечность». Взгляд из этого «окна» есть

трансцендирование за сущее», «выдвинутость нашего бытия в Ничто» (в Космос, небеса, «инобытие»). Современный философ трактует символы как «выражение космического характера сознания», как «сгустки трансцендентального измерения человеческого бытия», полагая, что «в символах, будучи на земле, человек пребывает на небе». В практическом (бытовом) сознании происходит «десимволизация» божественных символов: В настоящее время символы рассматриваются как терминологическая и последовательная наука. Их чувственное восприятие происходит через различные знаки, которые существуют именно для этой цели. Подобные знаки созданы для того чтобы увеличить наши знания о нас самих, о нашей культуре, о нашей психической составляющей, нашем образе и свойстве жизни, о наших стремлениях, наших воспоминаниях и множества других констант составляющих и образующих нашу жизнь. Иными словами, пребывая внутри семиотики с символами происходит процесс «десимволизации», то есть конкретный логический смысл исчезает, синтезируясь в нечто непонятное и туманное, которому только предстоит обрести свой «облик». В современной окружающей среде, в современном образе жизни людей количество символов заметно уменьшается [Мамардашвили, 1997:101].

2. Мир в данной концепции понимается как символ, который являет собой нечто многоаспектное, складывающийся благодаря двум аспектам: наглядному и образцовому (невозможный для непосредственного понимания). О. Флоренский считал, что жизнь есть сопряжение порядка (космоса) и символа, а материальная реальность полностью пронизана символизмом. Бытие – совокупность двух образцовых начал, которые соединяясь воплощаются в символе. Символ совмещает в себе природное и духовное, и символизм отбрасывает членение реальности на царство чувственных вещей и царство духа, обособленные друг от друга. Реальность едина, она повсюду; в любом своем элементе и чувственна, и духовна» [Хоружий, 1988:183].

3. Всё в этом мире-символе подчиняется высшему порядку, который установлен Богом, именно поэтому связь всего сущего основана на отличительных соотношениях реалей. Настоящий источник символа есть соотношение, которое устанавливает связь между всевозможными реалиями, соединяющее одну константу с другой, распространяющийся от естественного космоса к феноменальному. По причине этого соотношения вся вселенная – символ. Другими словами, ее истинное предназначение, ее истинный смысл является для нас ярко выраженным только в том случае, если она распознается нами как знак, который имеет силу заставить нас понимать феноменальные и метафизические константы. Именно это и есть основополагающее свойство символа. Ученые полагают, что любое истинное искусство неминуемо пронизано символизмом, потому что оно пытается установить связь данного явления с мировым единством. Приведём аналогичную трактовку В. М. Жирмунского (1921): «Когда Новалис в своих «Фрагментах» сближает с помощью сверхчувственного духовного сопоставления многоаспектные грани жизни материального и абстрактного. В таких сравнениях он ищет ответы на загадку таинственного источника квинтэссенции, как природы материального и абстрактного. У него звёзды – это некое существо, сотворённое из камня, а окружающий мир – чудесный город, построенный из камня. Всякая деятельность есть наречие природы. Одна плоть апеллирует к другой, говоря при это на языке механики, другое – отвечает на том же языке, в обоих случаях, однако, движение является производным фактом и только поводом и средством внутреннего изменения». «Цветы» для него как бы символ сознательной жизни растения. В зверином осязании то же самое что и в растительном. Растение есть корень, основа тела человека. Люди живут благодаря дыханию, а на дыхании, как мы знаем, основана вся наша жизнь. Иносказательное сопоставление разных аспектов бытия зиждутся на потустороннем чувствовании их начала и связи меж собой. Из этого исходит мнение, что бытие есть трактат души» [Жирмунский, 1999:1].

4. Рассмотрение смысла символа с такой точки зрения не поддаётся ни рациональному толкованию, ни понятному объяснению, что с точки зрения автора философского труда или трактата само собой подразумевает или восприятие действительности, или вероисповедание. «Связь между символами, как правило, не семиотическая, не установленная людьми, не относительная. На самом деле в вещах мира заложены неявные созвучия. Кто их туда заложил? Какая нечеловеческая инстанция прошла, словно листки, вещи мира так, что они оказались книгой? Символ предполагает веру, что в мире идет тайная переключка смыслов» [Бибихин, 1993:179].

Поэтика неизолированной (а благодаря этому многоплановой и семантически бесконечной), открытой (а благодаря этому порождающей иллюзию всевозможных смысловых «переключек», «созвучий», взаимосвязей и соответствий) метафоры как нельзя лучше соответствует метафизическому пониманию символа; именно поэтому символизм религиозно-философский, знаменуя идейный союз мыслителей и поэтов эпохи русского Серебряного века, стал идейной основой символизма литературного, чему немало способствовали поэты-философы: Милый друг, иль ты не видишь, Что всё видимое нами – Только отблеск, только тени. От незримого очами? (В. С. Соловьев) [Москвин, 2006:151].

Следом туманное религиозно-философское, романтическое понимание символа некритически заимствуется:

а) Через поэтов – литературоведов. Поэт и литературовед В. Иванов в статье «Поэт и чернь» (1909) пишет: «Символ только тогда истинный символ, когда он бесконечен и безграничен в своем значении, когда он изрекает на своем сокровенном (иератическом и магическом) языке намёка и внушения нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик, многосмыслен и всегда тёмнен в последней глубине. Он – органическое образование, как кристалл. Он даже некая монада, – и тем отличается от сложного и разложимого состава аллегории, притчи или сравнения». «Подобно солнечному лучу, символ пронизывает все планы

бытия и все сферы сознания и знаменует в каждой сфере иное назначение. Поистине, как всё нисходящее из божественного лона, и символ, – знак противоречивый, предмет пререканий». «Природа-храм. Из его живых столпов вырываются порой смутные слова. В таком месте люди встречают множество символов, которые сопровождают их сердечным, родимым взором. Исходя из этого, все предметы, вещи и явления, которые сосуществуют с людьми в окружающей среде – это некие мистические туманные символы. Писатель говорит: «всякая вещь, поскольку она реальность сокровенная, есть уже символ» [Иванов, 1994:141-155]. Автор современного словаря пишет о символе: «Говоря – уверяет поэтически, романтически и философически настроенный В. М., поскольку она реальность сокровенная, есть уже символ». Автор современного словаря пишет о символе: «Говоря языком философии, он, в принципе, обладает бесконечным смыслом. Филологи считают, что символ многозначен, он обладает разнообразием смыслов: «лев» может быть не только символом отваги, но и символом различных свойств и качеств, относящихся к этому животному (например, красота, величие, сила). Эту природу символа (его многоаспектность смыслов) подметили и в дальнейшем использовали поэты. В 1885 год был пиком для многоаспектности смыслов символа, поэтическая школа создала метод основанный на этом принципе для его использования в своем творчестве. Не определив явное отличие среди двух типов символов (распространённый и живой символ), невозможно определить смысл данного метода [Морлер, 1981:1080]. Дополним: символ, у которого значение точно не ясно и полисемичный символ есть живые словесные символы (индивидуально-авторские), созданные с помощью незамкнутой метафоры.

б) Через литературоведов – лингвистами. Именно поэтому к числу основных характеристик символа и в литературоведении, и в лингвистике без надлежащей аргументации, в расчёте на веру традиционно относят «неисчерпаемую многозначность», «полисемантичность» и «смысловую неопределённость» [Резчикова, 2004:58]. Эта точка зрения, поддерживаемая

непререкаемым авторитетом таких мыслителей, как О. Флоренский, А. Ф. Лосев и др., единовластно господствует до сих пор. Однако понимание, которое вкладывается в понятие «символ» религиозными философами, равно как и другие понятия религии («душа», «Бог» и др.), составляя область веры, лежит вне сферы действия строгого научного анализа, а потому с категориальным аппаратом конкретных научных дисциплин (логики, лингвистики, литературоведения и т. д.) несовместимо. Лингвист должен оперировать точным понятием словесного символа, который имеет строгую дефиницию, строго определённый набор способов образования и ясно очерченный круг функций.

В настоящее время не определены способы образования словесных символов. Так, одни учёные полагают, что символы есть определённый вид метафоры. Подобный способ берёт своё начало из философии веры, а также богословии, в которых определения метафоры и символа сопоставляются. В философии каждый символ есть метафора, так же, как и каждая метафора есть символ [Калинников, 1997:16]. Для богослова «символ есть представление одной вещи в форме другой». В них сопоставляют два создания, две семантики или две области. Такое описание подходит и для метафоры. Некоторые объясняют символ веры и культуры как определённый вид метонимии, который осложнён неким специфичным семантикой. Мы уже говорили, что способами формирования словесных символов являются метафора и метонимия.

Делая выводы из положения выше, мы можем сказать, что, изучая словесные символы (билатеральные части), их совершенно не разделяют от стилистических единиц, какими их и внедряют [Ярхо, 1984:221], а если быть конкретнее, формируются метафоры и метонимии. Мы полагаем, что необходимо разделить определения символа и сопоставительную основу символа.

Спорным является представление о месте символа в системе смежных категорий. Так, Н. Д. Арутюнова сопоставляет символ с неким типом или

видом, а также метафорой и символом [Арутюнова, 1990:83-89]. В работах А. Ф. Лосева отмечаем отождествление символа и знака, метафоры, иносказания, эмблемы, образа, идеи и т. д. [Лосев, 1976:135-185]. Данное отождествление не является закономерным, потому что обозначенные определения относятся к другим таксономическим видам, например, символ есть знак (билатеральные знаковые явления); образ есть мысль, а мысль предназначение (явления сущностной концепции); иносказание есть метонимия (образы сопоставления, которые внедряют символ, по Б. И. Ярхо). Классическое применяемое отождествление метафоры и символа представляется интеллектуально замкнутым, потому как главной частью символа может стать и метонимия.

Выводы по первой главе

Функции растений в любой культуре формируются и вытекают из потребностей человека, а затем откладываются в языковой картине мира. При этом природа служит источником вдохновения, без которого не обходится ни одна культура. Многие ученые изучают влияние растений на культуру и их культурное объяснение у других людей.

По нынешний день не имеется какой-то одной точки зрения об интерпретации термина «фитоним». Ф. И. Буслаев рассматривал фитонимы с мифологической стороны, а такие ученые, как С. М. Толстая, Л. Н. Виноградова и др., рассматривали фитонимы, которые являлись важными атрибутами в обрядах славян и отражались в фольклоре.

Фитонимы могут употребляться в художественном тексте для выражения авторских представлений о мире. Существуют классификации фитонимов на различных основаниях. Но анализ существующих классификаций позволяет сделать вывод, что они не противоречат друг другу. Так, рассматривая анализ творчества поэтов, ученые приходят к выводу, что, помимо общепринятых смыслов тех или иных растений, некоторые фитонимы предстают в авторских смыслах. Как правило, анализ

фитонимической лексики в художественном тексте проходит либо с позиций компонентного анализа, либо с позиций мотивационного анализа.

Способность употреблять фитонимы в символическом и метафорическом плане происходит благодаря такому средству выразительности как символ. Символ представляет собой «четко ощущаемое сверхчувственное изображение» [Резчикова, 2004:60], осознанное как знак отвлеченного определения. Из этого следует, что смежным родовым определением для понятия символ является знак.

В ассоциативном отношении символ, по определению Ю. М. Лотмана, есть «нечто среднее между синхронией текста и реминисценцией культуры» [Лотман, 1987:20]. В отличие от знаков «символы не понимают, их интерпретируют». Символы предстают классическим объектом толкования, представления и языкознания (в словарях символов).

Словесное символотворчество указывает на один из магистральных путей знакообразования. Понятие символ несет в себе несколько трудных и двойственных трактовок в концепции философии и поэтического текста. Ю. М. Лотман обоснованно излагает, что слово «символ» является одним из самых полисемичных в конфигурации знаковый наук.

Делая выводы из положения выше, мы можем сказать, что, изучая словесные символы (билатеральные части), их совершенно не разделяют от стилистических единиц, какими их и внедряют [Ярхо, 1984:221], а если быть конкретнее, формируются метафоры и метонимии.

Фитонимы являются одним из объектов в картине мира. Изучение фитонимической лексики в художественных текстах О. Седаковой будет вкладом в осмысление авторской картины мира.

Глава 2 Особенности употребления фитонимов в поэтическом тексте

О. Седаковой

2.1 Классификация фитонимов

Материалом для исследования послужили примеры словоупотребления фитонимов в творчестве О. Седаковой. В результате анализа творчества нами были отобраны методом сплошной выборки 60 примеров словоупотреблений наименований фитонимов.

Фитонимы в системе языка представляют собой структуру, которая состоит из нескольких лексико-семантических групп.

В работе А. М. Летовой «Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре» цель исследования – совершить парадигмальное представление значения фитонимов с точки зрения наименований, а также с языковедческой стороны, устного народного творчества и устойчивых словосочетаний. Совершить данное системное описание будет возможно благодаря организации семантического поля и разбору тематических групп номинаций фитонимов, их распределения по порядку и сферам употребления в текстах устного народного творчества. Предмет исследования – анализ семантического поля фитонимов в связи с их метафорическим своеобразием в русском народном творчестве.

Мы составили классификацию тематических разрядов фитонимов на основе творчества О. Седаковой, благодаря языковедческим и ботаническим словарям, показанным А. М. Летовой в своем труде, а также ее классификации фитонимов:

1. Названия деревьев и плодов: *яблоня, яблоко, липа, тополь, ель, дуб, орех, сосна, вишня (дерево), смоковница, маслина (=олива – дерево), вайя,*

а) названия кустов: *шиповник, орешник, можжевельник, папоротник, хвоц, тёрн;*

б) лексемы с коннотативным значением дерева: *Яблоня-мать; подругалипа.*

2. Фитонимы, имеющие количественно-разделительное значение: *листья, ветки, ствол, сучья, бутоны, корни, лепестки, соцветия;*

3. Фитонимы трав: *бамбук, полынь, буквица, донник, поменник, мать-и-мачеха;*

4. Фитонимы ягод: *виноград;*

5. Фитонимы огородных растений:

а) садовые цветы: *роза, фиалка, мак;*

б) названия бобовых растений: *чечевица;*

6. Фитонимы злаковых растений: *колосья;*

7. Фитонимы, представляющие совокупность растений: *сад, поле, луг, лес, роща, чаща;*

8. Обобщенные названия фитонимов: *растения, деревья, кусты, цветы, трава, ягоды, зёрна, заросли, плод.*

Опираясь на классификацию А. М. Летовой, мы рассредоточили фитонимы по следующим семантическим группам, определяя логически закономерные понятия названия растений:

1. Названия по специфическим внешним характеристикам растений: *сосна, ель, дуб, цветы, кусты, шиповник, яблоня, орешник, папоротник, хвои, тёрн, роза, фиалка, мак*

2. Названия по признакам растения, специфики его существования в природе: *тополь, липа, бамбук,*

3. Номинация растений по месту и способу произрастания: *листья, ветки, ствол, сучья, бутон, корни, лепестки, соцветья, сад, поле, луг, лес, роща,*

4. Названия растений по способу использования в быту: *дерево, трава, чечевица, мать-мачеха, зерно.*

5. Номинация растений по запаху: *полынь, можжевельник,*

6. Номинация растения по специфике плода: *орех, вишня, виноград, яблоко, ягода*.

Была выявлена частотность фитонимов в творчестве О. Седаковой. Методом сплошной выборки было проанализировано 188 фитонимов. Из них наиболее частотные фитонимы представлены в рисунке 1.

Рисунок 1 – Частотность употребления фитонимов в поэтическом тексте О. Седаковой

На диаграмме представлены фитонимы в прямом значении, что составляет 17,5% (33 единицы), фитоним *сад* – 20% (37 единиц), фитоним *дерево* – 11% (19 единиц), фитоним *роза* – 7,5% (14 единиц), остальные фитонимы составили 54,5% (103 единиц).

Наиболее частотных фитонимов, а именно – *сад, дерево и роза* – мы привели определения из словаря символов Х. Э. Кэрлота, который описал широкий спектр культурной символики, сюжеты и явления, вошедшие европейскую культуру. В описании символических значений словарь использует все богатство западноевропейской интеллектуальной традиции.

Благодаря этому каждое из описаний приобретает смысловую объемность и глубину.

1. Сад: *«Символизирует рай, Поля Блаженных, Лучшую страну, пристанище души. В центре сада растет дерево, дающее жизнь, а его плоды или цветы - награда тому, кто отыщет центр. Сад - символ души и свойств, культивируемых в ней, а также укрощенной и упорядоченной природы. У христиан огороженный сад - символ Девы Марии. В герметической традиции Господь - Садовник Жизни, который растит сад, чтобы расцвели плоды новой жизни. В исламе Четыре Райских Сада - это Сады Души, Сердца, Духа и Сущности, символизирующие мистическое путешествие души. У римлян огороженные погребальные сады рассматривались как копия Элизия. Там высаживались также розы, символизирующие вечную весну. В даосизме миниатюрные сады - маленькая земная копия рая»* [Кэрлот, 1994:450].

2. Дерево: *«В наиболее общем смысле символизм дерева обозначает жизнь космоса. Мифологическое рост, распространение, процессы зарождения и возрождения. Дерево представляет неистощимую жизнь, а потому оно эквивалентно символу бессмертия. Как утверждает М. Элиаде, представление о «жизни без смерти» в онтологическом смысле выступает заместителем «абсолютной реальности» и, таким образом, дерево становится символом абсолютного бытия, т.е., центра мира. Дерево, с его корнями, находящимися под землей, и с его ветвями, вздымающимися к небу, символизирует направленную вверх тенденцию, а поэтому соотносится с другими символами, такими, как лестница и гора, представляющими общие взаимосвязи между «тремя мирами» (нижний мир: преисподняя, ад: средний мир: земля; горный мир: небо). Дерево также соответствует Кресту Искушения, и Крест в христианской иконографии часто изображается как Древо Жизни. Также, существует символизм двух деревьев в Библии. В Раю было Древо Жизни и Древо познания Добра и Зла. Оба помещались в центре Сада Эдема»* [Кэрлот, 1994:171].

3. Роза: «Сложный амбивалентный символ, поскольку обозначает и небесное совершенство, и земную страсть, время и вечность, жизнь и смерть, плодородие и девственность. Роза - это совершенство, плерома, завершенность, таинство жизни, ее средоточие, неведомое, красота, благодать, счастье. Символизируя сердце, роза занимает положение в центре креста - точку единения. Увядание розы символизирует смерть, смертность и скорбь; ее колючки - боль, кровь и мученичество. В похоронных обрядах она символизирует вечную жизнь, вечную весну, воскресение. Красная роза означает - радость, красоту, завершенность (это цветок Венеры, кровь Адониса и Христа). В христианстве роза - цветок рая, благодаря своей красоте, совершенству и благоуханию. Белая роза - невинность, чистота, целомудрие, Дева Мария; красная - милосердие и мученичество, она выросла из капель крови Христа на Голгофе» [Кэрлот, 1994:440].

Таким образом, фитонимы в системе языка представляют собой структуру, которая состоит из нескольких лексико-семантических групп. На основе существующих в научной литературе классификаций можно выделить следующие группы фитонимов: деревья (плодовые деревья); кустарники; травянистые растения; «цветы»; плоды, (ягоды, орехи); бобовые растения; растения, имеющие количественно-разделительное значение; совокупность растений; обобщенные названия растений; лексемы с коннотативным значением дерева.

Благодаря вышеизложенному можно утверждать, что фитонимы представляют собой достаточно обширный класс лексики. Семантика фитонимов подразумевает объединённый с денотатом «растение» элемент языковой картины мира, который обладает своей логикой семантического развития, парадигматическими отношениями, которые представляют собой совокупность частных систем.

Царство растений необходимо для развития языковой картины мира не только как элемент природы, который произрастает в той или иной

местности и обладает теми или иными биологическими свойствами, но и как объект, вызывающий однозначное отношение и образы.

2.2 Символическое употребление фитонимов в поэзии О. Седаковой

Материалом для исследования послужили примеры словоупотребления фитонимов в поэтическом сборнике «Стихи» О. Седаковой. В данном параграфе представим особенности символического употребления фитонимов.

Символ представляет собой «четко ощущаемое сверхчувственное изображение», осознанный как знак отвлеченного определения. Из этого следует то, что смежным родовым определением для понятия символ является знак.

Символы устанавливают связь между реальным образом и метафизическим, т.е. отвлеченным, они соединяют воедино известные представления, понятия, идеи. Например, понятия рай и кровь Христова и идеи христианства. Изображения символов показывают мир незримым и абстрактным в образе вещей и явлений реального мира, например, рай изображается в виде сада, кровь Христа в виде розы, и т.д. Причина этому, с одной стороны, свойство человеческой природы, что мы не можем непосредственно созерцать духовные предметы, и вынуждены в свойственных нам книгах и учебниках, в которых все невероятное и фантастическое представляется в ясных для нас образах.

В русском и других языках довольно сильно разработана символика цвета: *чёрные дни, чёрная роза печали, пурпур как символ крови Христа*.

Стихотворение «Побег блудного сына» (1994 г.) содержит фитоним *сад*, являющийся именем существительным и обозначающим общепринятое наименование территории с посаженными человеком плодовыми деревьями, кустарниками и цветами [Ожегов, 2005:692]. В стихотворении наблюдается символика цвета: лексема *чёрный (чёрный сад)* несет в себе отрицательную

коннотацию. По общепринятым ассоциативным представлениям черный цвет – цвет печали и траура. Отметив такой литературный прием, как персонификация, который был применён к фитониму *сад ударит*, а также благодаря такому поэтическому тропу, как эпитет *черный*, можно считать, что в данном стихотворении фитоним *сад* выступает в качестве отрицательного персонажа, который негативно настроен по отношению к лирическому герою:

*Пускай любовь по дому шарит,
и двери заперты на ключ -
мне **черный сад** в глаза ударит,
шатаясь, как фонарный луч.
И сад, как дух, когда горели
в огне, и землю клятвы ели,
и дух, как в древности, дремуч
[Седакова, «Побег блудного сына», 1994:32].*

Символы делятся на два вида: словесные и несловесные. Источник словесных символов есть описательная лексика, то есть обращенная к чувственному восприятию, благодаря этому характерный признак символа – это то, что он имеет не только номинативный признак, но и свойство изображения. Исходя из этого, словесный символ являет собой описательный образ отвлеченной, метафизической идеи. У словесного символа наблюдаются две основные черты: стабильная, языковая (*звезда пленительного счастья* → «счастливая звезда») и аудитивный, индивидуально-авторский (*роза верности*).

В ряде стихотворений О. Седаковой представлены словесные символы, имеющие индивидуально-авторский характер, приведем примеры на наиболее частотных фитонимах:

1. *Как древний герой, выполняя заданье,
из сада мы вынесем яблоки ночи
и вышьем, и выткем свое мирозданье
[Седакова, «Ночное шитьё», 1994:81].*

Стихотворение «Ночное шитьё» содержит фитоним *сад*, являющийся именем существительным и обозначающим общепринятое наименование территории с посаженными человеком плодовыми деревьями, кустарниками и цветами [Ожегов, 2005:692]. Сад, по одному из определений в словаре символов Х. Э. Кэрлота символизирует рай, лучшую страну, пристанище душ. Таким образом, в контексте данного стихотворения, сад является символом рая, из которого выносят символические «яблоки ночи», которые отождествляются лирическим героем с запретным плодом, росшим в раю.

*2. Не тайны и не силы и не бездну,
мне показали **дерево** простое –
и странно было знать, что я исчезну,
когда листва заговорит с листвой,
и буду спать в корнях его глубоких,
как спят деревья при живых потоках*
[Седакова, «Горная ода», 1994:182].

В стихотворении «Горная ода» мы отметили фитоним *дерево*, являющийся именем существительным и обозначающим многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону [Ожегов, 2005:161]. Дерево, по одному из определений в словаре символов Х. Э. Кэрлота символизирует абсолютное бытие, т.е. центра мира. В контексте данного стихотворения, по мнению лирического героя, дерево является символом чего-то большего, чем «тайны», «силы» и «бездна», оно – некая константа бытия, которая благодаря своему абсолюту является не только чем-то бóльшим, но в то же время чем-то «простым», как сама жизнь.

*3. В саду у дружелюбных, благотворных,
печальных **роз**: их легкая душа
цветет в Элизии, а здесь не знает,
как выглянуть из тесных лепестков*
[Седакова, «На смерть Владимира Ивановича Хвостина», 1994:207].

Стихотворение «На смерть Владимира Ивановича Хвостина» содержит фитоним *роза*, являющийся именем существительным и обозначающим

кустарниковое растение семейства розоцветных с красивыми, крупными, душистыми цветками и со стеблем, обычно покрытым шипами, а также сам цветок [Ожегов, 2005:682]. Роза, по одному из определений в словаре символов Х. Э. Кэрлота символизирует таинство жизни, ее средоточие. В контексте данного стихотворения, мы отметили такой литературный прием как персонификация, который был применён к фитониму *сад*, благодаря этому приёму мы заключили, что лирический герой в *роза* видит саму жизнь, ее душу, то как она цветёт в Элизии (в раю), а в человеческом саду не имеет возможности познать эту счастливую пору.

В анализируемых текстах фитонимы-символы словесной характеристики, которые имеют устойчивый, языковой характер не были выявлены.

Основой словесных символов является два вида ассоциирования:

1) метонимическое: *до берёзки (до смерти – могильный берёзы), осина грусти, лотос забвения, вкушать лотос;*

2) метафорическое: *синяя птица счастья* (счастье сравнивается с птицей). Многозначными и семантически неопределёнными являются индивидуально-авторские («живые») словесные символы, образованные посредством незамкнутой метафоры.

Источник словесной символизации в стихотворении является метонимическое ассоциирование:

*Ты, мысль моя, ты, ясная Кифера,
ты, **розы** поднебесной привиденье
Верни ему весь одичавший сад –
в цветной воде, в утешенных слезах
Содом, перерожденный на глазах, –
все будет ложь, и ничего как ложь
[Седакова, «Портрет художника на его картине», 1994:83].*

В стихотворении «Портрет художника на его картине» мы отметили фитоним *роза*, являющийся именем существительным и обозначающим кустарниковое растение семейства розоцветных с красивыми, крупными,

душистыми цветками и со стеблем, обычно покрытым шипами, а также сам цветок [Ожегов 2006]. Под метонимическим ассоциированием мы понимаем замену одного слова другим, обозначающим предмет, который находится в той или иной связи с предметом, который обозначается заменяемым словом. В контексте данного стихотворения фитоним *роза* заменяет слово *рассвет/закат* на основе подобия образа, т.е. *красная роза = красный свет*.

Источник словесной символизации в стихотворении является метафорическое ассоциирование:

*Сажая
свои невероятные сады,
Садовник ли их менее жалеет,
чем ты? О, ум из нищенской руды*
[Седакова, «Из песни Данте», 1994:271].

Стихотворение «На смерть Владимира Ивановича Хвостина» содержит фитоним *сад*, являющийся именем существительным и обозначающим общепринятое наименование территории с посаженными человеком плодовыми деревьями, кустарниками и цветами [Ожегов, 2005:692]. Под метафорическим ассоциированием мы понимаем образный перенос свойств и признаков фитонимов на другие предметы и явления. Сад, по одному из определений в словаре символов Х. Э. Кэрлота символизирует рай. Садовник – это Создатель. В синкретической религиозной философии Бог – это садовник жизни, который выращивает сад и ухаживает за ним, чтобы взойти плоды новой жизни. В контексте данного стихотворения, мы отметили прямой перенос образа сада к раю и садовника к Богу.

Таким образом, в данном параграфе мы представили особенности символического употребления фитонимов. Под символическим употреблением мы понимаем образный перенос на «четко ощущаемое сверхчувственное изображение», осознанный как знак отвлеченного определения.

В русском и других языках в значительной степени разработана символика цвета. Символы могут быть подразделены на словесные и

несловесные. Словесный символ имеет два характера: речевой, индивидуально-авторский и устойчивый, языковой. Источниками словесной символизации становятся два типа ассоциирования: метафорическое и метонимическое.

Преимущественное внимание в использовании фитонимов и особые сопоставительные конструкции представляются основным способом проявления особой индивидуальной авторской точки зрения на окружающий мир создателя произведения, что определяет важность фитонимических единиц в понимании читателем представленном в лирическом произведении мире и в правильном интерпретировании.

Анализ отобранного материала показал, что фитонимическая лексика служит источником символических образов. Рассмотрев символическое употребление фитонимов на материале творчества О. Седаковой, мы можем перейти к следующему параграфу нашей работы, а именно к углубленному рассмотрению особенностей употребления фитонимов как средства выразительности.

2.3 Метафорическое употребление фитонимов в поэтическом тексте О. Седаковой

Материалом для исследования в данной работе послужили примеры словоупотребления фитонимов в творчестве О. Седаковой.

В данном параграфе представим особенности метафорического употребления фитонимов. Дадим краткую характеристику этого явления.

Метафорическое употребление – это взаимодействие двух элементов, представляющих два семантических поля, чем дальше друг от друга «словарные поля», которые метафорически сопоставляются, тем ярче метафора [Шендельс, 1972:53].

Своеобразие значения определенных метафор и их номинаций состоит в том, что в них присутствуют семантическая многоплановость. Объект сравнения – компаратор – при «повторной» метафоре имеет свойство быть

выраженным не только номинацией метафоры, но и компаративной конструкцией как в данном стихотворении. План выражения метафорического знака представлен словом-параметром. В принципе слова-параметра лежит сопоставление, указывающее на второй субъект сравнения – компаратор. Источник семантического толкования слова-параметра является грамматически согласовавшееся и взаимодействующее с ним слово, называемое словом-аргументом. Слово-аргумент указывает на компарант (первый субъект сравнения) [Москвин, 2006:46].

Особенности метафорического употребления фитонимов в творчестве О. Седаковой представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Метафорический перенос в употреблении фитонимов в поэтическом тексте О. Седаковой

Компаративная конструкция	Компарант (первый субъект сравнения)	Компаратор (второй субъект сравнения)
<i>И сад, как дух.</i> «Побег блудного сына»	сад	дух
<i>Дикий шиповник/ идет, как садовник суровый.</i> «Дикий шиповник»	шиповник	садовник
<i>В саду высоко, как чердак.</i> «Кот, бабочка, свеча»	сад	чердак
<i>Деревья на мне как рубаха.</i> «Горная колыбельная»	деревья	рубаха
<i>Это свет или куст.</i> «Утро в саду»	свет	куст
<i>Как мелкие розы, аккорды цвели.</i> «Азаровка. 2. Поляна»	аккорды	розы
<i>Старая женщина с сердцем тяжелым, как капля на ягоде.</i> «Азаровка. 3. В кустах»	сердце	капля на ягоде
<i>Там ягода яда глядит из куста.</i> «Азаровка. 10. Овраг»	ягода	яд
<i>Тополь стоит, как латыни стакан.</i> «Азаровка. 12. Сад»	тополь	стакан
<i>Внизу, как можжевельники при ветре, / друг друга будут дети обнимать.</i> «Портрет художника на его картине»	дети	можжевельники
<i>Первой розой перевернут мрак.</i> «Портрет художника на его картине»	роза	рассвет
<i>Под ногами трещала земля, как надломленный сук.</i> «Алатырь»	земля	сук
<i>И камни другие росли, как бамбук.</i> «Алатырь»	камни	бамбук
<i>И она лежит, как тихий вход в темный сад.</i> «Сказка»	она лежит	тихий вход в темный сад
<i>Там гибель розой молодой на грудь упадет с высоты.</i> «Рыцари едут на турнир»	гибель	роза
<i>Бутоны свечек/ факелов цветы.</i> «Утешная собачка»	бутоны / цветы	пламя

Продолжение таблицы 1

Компаративная конструкция	Компарат (первый субъект сравнения)	Компаратор (второй субъект сравнения)
<i>Где мука роковая шумит-волнуется, как липа вековая.</i> «Тристан и Изольда. 10. Ночь»	мука	липа
<i>Против жизни моей терпеливой, как полынь и сорные травы.</i> «Вторая тетрадь. 7. Желание»	жизнь	полынь и сорные травы
<i>Зеркальце вьется рядом величиной с чечевицу или как зерно просяное.</i> «Вторая тетрадь. 8. Зеркало»	зеркальце	чечевица или зерно просяное
<i>Будем жить мы долго, так долго, как живут у воды деревья.</i> «Вторая тетрадь. 10. Дом»	мы	деревья
<i>Пестрые они, простые, как сад и в саду павлины.</i> «Стихи из Второй тетради, не нашедшие в ней себе места: Бусы»	они	сад
<i>Ты, слово мое, как сады в глубине.</i> «Семь стихотворений»	слово	сады
<i>Она всегда как будто падает - и не как лист на воду.</i> «Семь стихотворений»	она	лист
<i>Как молнии мгновенные деревья и разветвленные, как дуб.</i> «Семь стихотворений»	молнии	деревья
<i>И буду спать в корнях его глубоких, как спят деревья при живых потоках.</i> «Горная ода»	я	деревья
<i>где круглая, как яблоко, тревога.</i> «Горная ода»	тревога	яблоко
<i>и навстречу, как розы в партере, время, время в бессмертных слезах.</i> «Маленькое посвящение Владимиру Ивановичу Хвостину»	время	розы
<i>Чтоб это дышало и было как сад.</i> «Последний читатель»	это	сад
<i>Мы, должно быть, бываем тем деревом прочным и чистым.</i> «Статуэтка слона»	мы	деревя
<i>Мгла осени, как зернышко, лежит.</i> «Осень. Огонь и путник»	мгла	зернышко
<i>Иероглифами кустов и деревьев.</i> «Весна»	иероглифы (узоры)	кусты и деревья
<i>Высокими цветами смотрит в низкое окно.</i> «Сказка, в которой почти ничего не происходит»	глаза	цветы
<i>Есть времени цветок, он так цветет.</i> «Стансы первые»	время	цветок
<i>это прячется: в орех, в сушеный мак, в горчишное зерно.</i> «Стансы первые»	место	орех, сушеный мак, горчишное зерно
<i>А трудится и собирает плод своих трудов.</i> «Пятые стансы»	плод	результат
<i>О, взять бы все - и всем и по всему или сосной, макнув ее в Везувий.</i> «Элегия, переходящая в реквием»	сосна	кисть
<i>Все исчезает, как висячий сад.</i> «Портрет художника на его картине»	все	сад
<i>Ты, розы поднебесной привиденье.</i> «Портрет художника на его картине»	рассвет	роза

Метафора и метафорическое наименование – это уменьшенная вплоть до одного слова, конструкция, учитывая, что в данном слове, которое справедливо стоит не на своем месте, прослеживается соответствие, то оно принимается. Однако, если нельзя проследить никакого соответствия, то язык данную конструкцию не принимает [Фрейденберг, 1996:216]. Говоря иначе, метафора и сравнение находятся в отношениях производности. Как выразительное средство сравнение схоже с метафорой, оно чаще всего применяется в роли разъяснения, но самая главная роль сравнения – это поэтическое воспроизведение чего-либо.

Планы содержания исходной и вторичной метафор различны, а потому их следует анализировать в различных терминах. На вспомогательный субъект (компаратор) и основной субъект (компарат) указывает только исходная метафора: *крест воспоминаний* – неприятные, мучительные воспоминания (основной субъект, или компарат) похожи на тяжкий крест (вспомогательный субъект, или компаратор). Вторичная метафора на вспомогательный субъект (компаратор) и основной субъект (компарат) указывает только косвенно, через ассоциации с соответствующей исходной метафорой: *тяжкие воспоминания – тяжкий крест воспоминаний*. В этом случае мы говорим не о вспомогательном субъекте, а о внутренней форме и не об основном субъекте, а о переносном значении метафоры: тяжкие «неприятные» (переносное значение), внутренняя форма «тяжёлые». Произведём мотивационный анализ для исходной метафоры «*Дикий шиповник идет, / как садовник суровый, / не знающий страха*» [Седакова, «Дикий шиповник», 1994:13] *дикий шиповник идет* (персонификация) – основной субъект, вспомогательный субъект *садовник суровый*. Таким образом, знаковая структура метафоры представлена не одним (как принято считать), а двумя семиотическими типами. Как будет показано ниже, эти типы получают различную частеречную реализацию, а вторичная метафора является результатом развёртывания исходной.

При мотивационном анализе метафорических наименований помимо основного и вспомогательного субъектов следует выделять: 1) аспект сравнения, определяющий сферу соответствия элементов метафоры; 2) их общий признак – *terium comparationis* (третий компонент сравнения) [Москвин, 2006:50]. Третий компонент сравнения в метафорических наименованиях фитонимов частично представлен в таблице 2. Полное представление о *terium comparationis* в основе метафор в поэтическом тексте О. Седаковой представлено в приложении 1).

Таблица 2 – Третий компонент сравнения в метафорических наименованиях фитонимов в поэтическом тексте О. Седаковой

Вспомогательный субъект	Основной субъект	<i>Terium comparationis</i>	Аспект сравнения
садовник суровый	дикий шиповник	бесстрашный (<i>Дикий шиповник идет, / как садовник суровый, / не знающий страха</i>) («Дикий шиповник»)	поведение
яда	ягода	ядовитый «Там ягода яда глядит из куста» («Овраг»)	состояние
роза	гибель	красивый «там гибель розой молодой / на грудь упадет с высоты» («Рыцари едут на турнир»)	образ
бутоны цветы	огонь	образность «По ней плывет веночек твой новый, непробудный - / бутоны свечек, факелов цветы» («Утешная собачка»)	образ

В русской и англоязычной научной литературе аспект сравнение и *tertium comparationis* отождествляется, однако трансформационный анализ показывает, что это два разных понятия [Москвин, 2006:50]. *Tertium comparationis* иногда учитывается при определении метафоры как «перенесения свойств одного предмета на другой на основании признака, общего для обеих составляющих» [Советский энциклопедический словарь,

1983:794] и может быть эксплицитно выражен: *бутоны свечек / факелов цветы* – бутоны отождествляются факелам, *ягода яда* – волчья ягода, *там гибель розой молодой / на грудь упадет с высоты* – могильные цветы; цветы, который кладут на могилу.

Таким образом, в данном параграфе мы представили особенности метафорического употребления фитонимов в творчестве О. Седаковой. Под метафорическим употреблением мы понимаем взаимодействие двух элементов, представляющих два семантических поля, чем дальше друг от друга «словарные поля», которые метафорически сопоставляются, тем ярче метафора. Анализ отобранного материала в творчестве О. Седаковой показал, что специфика значения метафор и метафорических номинаций состоит в их семантической многоплановости. Также в данном параграфе мы представили мотивационный анализ метафорических наименований. В творчестве О. Седаковой кроме основного и вспомогательного субъектов следует выделять: 1) аспект сравнения, определяющий сферу соответствия элементов метафоры; 2) их общий признак – *terium comparationis* (третий компонент сравнения) [Москвин, 2006:50].

Рассмотрев метафорическое употребление фитонимов на материале творчества О. Седаковой, можно рассмотреть особенности употребления фитонимов как средств выразительности, в частности эпитетов.

2.4 Фитонимы как средства выразительности

К числу изобразительных средств относятся приёмы и средства, которые служат образной интерпретации предметов и явлений окружающей действительности. В изобразительной функции используются эпитеты и сравнения, средства словесной образности.

Эпитет (ср. греч. *epitheton* «причисленный, добавленное»), в определённом понимании может быть определением, особым понятием, которое выполняет функцию поэтического представления некоего предмета или явления, трактовку и освещение его изображения.

Поэтический троп эпитет выступает как многоплановая номинация значений, которая применяется в роли словообразовательных единиц «украшения» поэтическом повествовании. С помощью данных трёх критерий мы смогли отнести эпитет к виду тропов:

- 1) семиотичность (троп – это средство номинации);
- 2) многоплановость (критерий значения);
- 3) украшение речи (функциональный критерий, предусматривающий усечение поля употребления эпитетов в поэтическом повествовании).

Также мы определили, что тропы являются следствием стремления носителя языка (в данном случае автора) к эвсемии [греч. *eu* «благородный», *sema* «знак»] – украшению внутренней формы номинативных единиц.

Осуществить систематизацию некоторых предметов и явлений означает выявить классификацию параметров, с помощью которых предметы и явления будут дифференцированы. Дифференциация поэтических тропов осуществляется по следующим критериям:

1. По приёму выделения подходящего свойства, то есть по природе наименования (поэтические тропы, употреблённые в прямом значении).

Им противоположны два вида поэтических тропа, употреблённые в переносном значении: метафорические и метонимические.

Система параметров поэтических тропов в поэтическом тексте О. Седаковой показана в таблице 3.

Таблица 3 – Система параметров эпитетов в поэтическом тексте О. Седаковой

Эпитеты с прямым значением	Переносное значение	
	метафорическое	метонимическое
<i>мне <u>черный сад</u> в глаза ударит, / шатаюсь, как фонарный луч.</i> [Седакова, «Побег блудного сына», 1994:32].	<i>оттого, что темней не бывает, / если это не тот <u>заповеданный сад</u>.</i> [Седакова, «Неужели, Мария, только рамы скрипят», 1994:6].	<i>Дикий шиповник / идет, как садовник суровый, / не знающий страха, / с <u>розой пунцовой</u>, / со спрятанной раной участка под дикой рубахой. (с кровью)</i> [Седакова, «Дикий шиповник», 1994:13].

Продолжение таблицы 3

Эпитеты с прямым значением	Переносное значение	
	метафорическое	метонимическое
<i>и буду стоять, пропадая из глаз, / стеклянной террасой из <u>темного сада</u>.</i> [Седакова, «Прощание», 1994:27].	<i>Ты развернешься в расширенном сердце страданья, / <u>дикий шиповник</u>, / о, / <u>ранящий сад</u> мирозданья.</i> [Седакова, «Дикий шиповник», 1994:13].	<i>Куда когда-нибудь живое солнце входит, / там, <u>сад сновидческий</u> перебирая и дая, / она вниманье счастья переводит, / как луч ручного фонаря. (лучшая сторона – пристанище души)</i> [Седакова, «Отпевание монахини», 1994:34].
<i>в образе ветхом / оживляющий кровь, и живущий по гибнущим веткам / <u>горных роз</u>, выбегающих из-за камней.</i> [Седакова, «Пение» 1994:43].	<i>Или свиданье стоит, <u>обгоняющий сад</u>, / где ты не видишь меня, но увидишь, как листья глядят.</i> [Седакова, «Странное путешествие», 1994:31].	<i>Там старшая жизнь не дыша поднимает <u>египетский уединенный цветок</u>. (душу)</i> [Седакова, «Летят имена из волшебного рога», 1994:38].
<i>Что, не снится ли нам эта тьма, этот <u>куст остролистый</u>.</i> [Седакова, «Пение», 1994:43].	<i>Верни ему весь <u>одичавший сад</u> - / в цветной воде, в утешенных слезах.</i> [Седакова, «Портрет художника на его картине», 1994:83].	<i>Пускай на крыше ангелы танцуют / и камни драгоценные целуют / и убегают к верхнему углу / и с верхнего угла бегут сверкая, / <u>серебряные ветки</u> рассыпая. (снег)</i> [Седакова, «Портрет художника на его картине», 1994:83].
<i>В <u>ореховых зарослях</u> много пустых колыбелей.</i> [Седакова, «Горная колыбельная», 1994:66].	<i>И сам из-под пяты взвиваюсь, / над язвами Земли Святой / <u>безумным терном</u> обвиваюсь.</i> [Седакова, «В винном отделе», 1994:202].	<i>Мы приезжали на велосипедах к погосту / где двигались <u>церковные деревья</u> вдоль неба. (купола церкви)</i> [Седакова, «Сельское кладбище», 1994:199].
<i>Как <u>мелкие розы</u>, аккорды цвели.</i> [Седакова, «Азаровка», 1994:71].	<i>там гибель <u>розой молодой</u> / на грудь упадет с высоты.</i> [Седакова, «Рыцари едут на турнир», 1994:107].	–
<i>когда соловей задохнулся, как брат, / обрушивши в пруд <u>неухоженный сад</u>.</i> [Седакова, «Азаровка», 1994:71].	<i>Помнишь, апрель наступал? а вот уж в его середине, / как в морском путешествии - ветра свист и <u>вещие рощи</u>.</i> [Седакова, «Лицинию», 1994:204].	–
<i>Ведь и я - / это выйдет из слуха, из <u>леса сухого</u>: / - жила я когда-то.</i> [Седакова, «Азаровка», 1994:71].	<i>все исчезло, превратилось, / овцы, солнце и девица, / и шумит <u>снотворный мак</u>.</i> [Седакова, «Сказка, в которой почти ничего не происходит»1994:216].	–

Продолжение таблицы 3

Эпитеты с прямым значением	Переносное значение	
	метафорическое	метонимическое
<i>так эти дома выступают невольно / из <u>темных деревьев</u>, и ночь настает.</i> [Седакова, «Азаровка», 1994:71].	<i>Сажая / свои <u>неимоверные сады</u>, / Садовник ли их менее жалеет, / чем ты?</i> [Седакова, «Из песни Данте», 1994:271].	–
<i>Был <u>хвойный лес</u>, и папоротник, и хвоиц.</i> [Седакова, «Легенда двенадцатая», 1994:89].	<i>Ты, мысль моя, ты, ясная Кифера, / ты, <u>розы поднебесной привиденье</u>.</i> [Седакова, «Портрет художника на его картине», 1994:83].	–
<i>деревья <u>тяжелыми ветками</u> били.</i> [Седакова, «Алатырь» 1994:91].	<i>в образе ветхом / оживляющий кровь, и живущий по <u>гибнущим веткам</u> / горных роз, выбегающих из-за камней.</i> [Седакова, «Пение», 1994:43].	–

Метонимические (смещённые) эпитеты образуются в результате использования стилистического приема, который именуется смещением (*кровь пунцовая* → *роза пунцовая*, *сад, в котором видят сновидения* → *сад сновидческий*).

С помощью систематизации параметров поэтических тропов мы выявили, что в творчестве О. Седаковой представлены поэтические тропы, отличающиеся по приёму выделения подходящего свойства, то есть по природе наименования (поэтические тропы, употреблённые в прямом значении). Им противоположны два вида поэтических тропа, употреблённые в переносном значении: метафорическим и метонимическим. Анализ отобранного материала показал, что преобладающим числом в творчестве О. Седаковой являются поэтические тропы (эпитеты) с переносным значением, а именно метафорическим и метонимическим, что составило 16 примеров употребления фитонимов.

Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод, что анализируемые тексты в творчестве О. Седаковой, благодаря взаимодействию фитонимов и

таких поэтических тропов как эпитеты, пронизаны метафоричной образностью.

Таким образом, в данном параграфе мы представили особенности употребления фитонимических единиц как средств выразительности, а в частности поэтических тропов (эпитетов). Эпитет есть понятие, выполняющее задачу художественного изображения объекта, его образной интерпретации. Данный поэтический троп выступает как семантически многоплановое наименование, используемое в качестве декоративных средств художественной речи.

Также, мы определили, что тропы являются следствием стремления носителя языка (в данном случае автора) к эвсемии – украшению внутренней формы наименований.

Выполнили систематизацию поэтических тропов (эпитетов) по следующим параметрам:

1. По приёму выделения подходящего свойства, то есть по природе наименования (поэтические тропы, употреблённые в прямом значении).
2. Метафорические.
3. Метонимические (смещённые) эпитеты образуются в результате использования стилистического приема, который именуется смещением.

Выводы по второй главе

Фитонимы являются одним из элементов языковой картины мира. Изучение фитонимической лексики в художественных текстах О. Седаковой будет вкладом в осмысление авторской картины мира.

Функции растений в любой культуре формируются и вытекают из потребностей человека, а затем откладываются в языковой картине мира. При этом природа служит источником вдохновения, без которого не обходится ни одна культура. Фитонимы в системе языка представляют собой структуру, которая состоит из нескольких лексико-семантических групп.

Мы представили особенности символического употребления фитонимов. В русском и других языках в значительной степени разработана символика цвета. Символы могут быть подразделены на словесные и несловесные. Словесный символ имеет два характера: речевой, индивидуально-авторский и устойчивый, языковой. Источниками словесной символизации становятся два типа ассоциирования: метафорическое и метонимическое.

Также мы представили особенности метафорического употребления фитонимов. Анализ отобранного материала в творчестве О. Седаковой показал, что специфика значения метафор и метафорических номинаций состоит в их семантической многоплановости.

Представили также особенности употребления фитонимических единиц как средств выразительности, а в частности поэтических тропов (эпитетов). Эпитет выступает как семантически многоплановое наименование, используемое в качестве декоративных средств художественной речи.

Преимущественное внимание в использовании фитонимов и особые сопоставительные конструкции представляются основным способом проявления особой индивидуальной авторской точки зрения на окружающий мир создателя произведения, что определяет важность фитонимических единиц в понимании читателем представленном в лирическом произведении мире и в правильном интерпретировании.

Заключение

Таким образом, в сборнике О. Седаковой «Стихи» основу формирования образности составляют символическое и метафорическое употребление фитонимов, а также особенности употребления фитонимов как средств выразительности, в частности эпитетов.

В результате работы с поэтическими текстами было отобрано 150 примеров словоупотреблений наименований фитонимов, был определен состав фитонимической лексики, включающий 3 тематические группы: 1) символы; 2) метафоры; 3) эпитеты.

В символическом употреблении фитонимов в сборнике О. Седаковой «Стихи» в значительной степени разработана символика цвета. Символы могут быть подразделены на словесные и несловесные. Словесный символ может быть речевым, индивидуально-авторским и устойчивым, языковым. Источниками словесной символизации становятся два типа ассоциирования: метафорическое и метонимическое, например:

*Пускай любовь по дому шарит,
и двери заперты на ключ -
мне **черный сад** в глаза ударит,
шатаюсь, как фонарный луч.
И **сад**, как дух, когда горели
в огне, и землю клятвы ели,
и дух, как в древности, дремуч
[Седакова, «Побег блудного сына», 1994:32].*

Пример словесных символов, имеющих индивидуально-авторский характер:

*Как древний герой, выполняя задание,
из **сада** мы вынесем **яблоки ночи**
и вышьем, и выткем свое мирозданье
[Седакова, «Ночное шитьё», 1994:81].*

Анализ отобранного материала в сборнике О. Седаковой «Стихи» показал, что специфика значения метафор и метафорических номинаций состоит в их семантической многоплановости:

*Ты, мысль моя, ты, ясная Кифера,
ты, **розы поднебесной привиденье***

*Верни ему весь одичавший сад –
в цветной воде, в утешенных слезах
Содом, перерожденный на глазах, –
все будет ложь, и ничего как ложь*
[Седакова, «Портрет художника на его картине», 1994:83].

Пример метафорического ассоциирования:

*Сажая
свои **неимоверные сады**,
Садовник ли их менее жалеет,
чем ты? О, ум из нищенской руды*
[Седакова, «Из песни Данте», 1994:271].

В сборнике О. Седаковой «Стихи» кроме основного и вспомогательного субъектов следует выделять: аспект сравнения, определяющий сферу соответствия элементов метафоры; их общий признак – *terium comparationis* (третий компонент сравнения). Например, вспомогательный субъект – «садовник суровый», основной субъект – «дикий шиповник», *terium comparationis* – бесстрашный «Дикий шиповник идет, / как садовник суровый, / не знающий страха» («Дикий шиповник»), аспект сравнения – поведение.

В сборнике О. Седаковой «Стихи» эпитеты выступают как семантически многоплановое наименование, используемое в качестве декоративного средства художественной речи.

1. Эпитеты с прямым значением: *и буду стоять, пропадая из глаз, / стеклянной террасой из темного сада* [Седакова, «Прощание», 1994:27].

2. Метафорический перенос: *оттого, что темней не бывает, / если это не тот заповеданный сад* [Седакова, «Неужели, Мария, только рамы скрипят», 1994:6].

3. Метонимический перенос: *дикий шиповник / идет, как садовник суровый, / не знающий страха, / с розой пунцовой, / со спрятанной раной участка под дикой рубахой.* (метонимический перенос значения крови) [Седакова, «Дикий шиповник», 1994:13].

Национальная специфика картины мира формируется благодаря объективным характеристикам отражаемых предметов и эмоционального

отношения к ним. Фитонимы необходимы для развития языковой картины мира не только как элемент природы, произрастающий в той или иной местности и обладающий теми или иными биологическими характеристиками, но и как объект, который вызывает определенное отношение и образы. Фитонимические единицы представляют собой ценную культурологическую концепцию, которую применяют в изучении предназначения растений в темах веры, истории, этноса, мифов, культуры и устного народного творчества. Фитонимы играют важную роль в символическом и метафорическом употреблении, а также в построении средств выразительности, в частности эпитетов.

Приоритет, отдаваемый в использовании фитонимических единиц, и личная интерпретация каких-либо предметов и явлений представляются главным способом изображения личной авторской картины мира поэта, что определяет их важность в исследовании читателем представленной в художественной речи картины мира и правильной ее определённости и трактовки.

Таким образом, анализируемые тексты в творчестве О. Седаковой, благодаря взаимодействию фитонимов и таких поэтических тропов как эпитеты, пронизаны символической (*как древний герой, выполняя задание, / из сада мы вынесем яблоки ночи / и вышьем, и выткем свое мирозданье* [Седакова, «Ночное шитьё», 1994:81]), метафорической (*сажая / свои невероятные сады, / Садовник ли их менее жалеет, / чем ты?* [Седакова, «Из песни Данте», 1994:271]), метонимической (*ты, мысль моя, ты, ясная Кифера, / ты, розы поднебесной привиденье / Верни ему весь одичавший сад – / в цветной воде, в утешенных слезах* [Седакова, «Портрет художника на его картине», 1994:83]).

Фитонимические единицы в роли местных, этнических, культурных и эмоционально-чувствительных указателей в художественном творчестве выявляют важные семантические и концептуальные свойства поэтической картины мира.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М. : «Coda», 1997. 126 с.
2. Аникин, В.П. Учебник для вузов. [Текст] / В.П. Аникин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 2004. 735 с.
3. Арутюнова Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 136–137 с.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966. 256 с.
5. Бибахин В. В. Язык философии. М. : Прогресс, 1993. 179 с.
6. Блинова, О.И., Разина А.С. Двусловные фитонимы в лингвокультурологическом освещении [Текст] / О.И. Блинова, А.С. Разина // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 1. 5-10 с.
7. Буйленко И. В. Лексико-семантические объединения слов // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». №5(19). Декабрь 2012. Режим доступа: <http://grani.vspu.ru/jurnal/1> (дата обращения: 07.02.2020 г.).
8. Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности. СПб. : Издание Д. Е. Кожанчикова: Типогр. товарищества «Общественная польза», 1861. 643 с.
9. Воронина, Л. В., Кудрявцева, Н. Б. Особенности культуры немецко-и русскоязычного мира через призму фитонимов и фаунонимов [Текст] / Л. В. Воронина, Н. Б. Кудрявцева. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2009. № 1. 42-46 с.
10. Григорьев М. С. Введение в поэтику. М. : Изд-во Т-ва В.В. Думнов, 1924. 83 с.
11. Жирмунский В. М. Метафора в поэтике русских символистов // Новое литературное обозрение. 1999. № 1 (35). Раздел 1. 215–221 с.

12. Забылин, М. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия [Текст] / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 688 с.
13. Иванов В. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 141, 143, 151 и 155.
14. Исаев, Ю. Н. Фитонимы как составная часть языковой картины мира [Текст] / Ю. Н. Исаев. Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. 229-231 с.
15. Калинин Л. А. Природа символа в гносеологии Канта // Логическое кантоведение: Тез. докл. междунар. семинар. Вып. 4. Калининград : 1997. 16 с.
16. Капишева Т. Ю. Фразеологическая категоризация в сфере фитонимии русского и немецкого языков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика, 2009. №1. 56-61 с.
17. Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. №1.1972. 57–68 с.
18. Карпова, Л.С. Лингвопоэтика повествовательных типов и другие методы лингвопоэтического исследования / Л. С. Карпова. // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2009. № 2.35–37 с.
19. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
20. Коновалова, Н. И. Словарь народных названий растений Урала / Н. И. Коновалова; М-во образования Рос. Федерации. Ур. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург: Межотраслевой регион. центр, 2000. 233 с.
21. Кравченко А. В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск : Издание ОГУП «Иркутская областная типография №1», 2001. 261 с.
22. Кэрлот Х. Э. Словарь символов. М. : Томск: Зодиак, 1994. 608 с.

23. Летова А. М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре: дисс. канд. фил. наук : 10.02.01. М., 2012. 198 с.
24. Липгарт, А. А. Основы лингвопоэтики. М.: КомКнига, 2006. 168с.
25. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистичное искусство. М. : Искусство, 1995. 320 с.
26. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М. : Политиздат, 1991. 525 с.
27. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры / Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам. Учён. зап. Тарт. ун-та. Вып. 754. Тарту : 1987. 145 с.
28. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
29. Матвеева Е. Н. Реализация предметных и эстетических значений в функционально-семантическом поле флористики в поэзии Игоря Северянина // Вестник Вятского государственного университета, 2008. №4. 26–31 с.
30. Москвин В. П. Выразительные средства языка. Ростов н/Д : Феникс, 2007. 102 с.
31. Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2006. 184 с.
32. Муравицкая М. П. Поэтический язык и духовная культура: символика лазури / Материалы II Международного семинара «Славянская культура в современном мире (изучение и преподавание в иноязычной аудитории)». Киев : Изд-во Языки славянской культуры, 1991. 38–41 с.
33. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Изд-е 4-е, доп. М. : Азбуковник, 1997. 944 с.
34. Писарская Т. Р., Якименко Н. Е. Паремии с компонентом-фитонимом как объект лингвокультурологического описания // Новое в

лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков: сборник научных статей XXVII международной научно-практической конференции (23–24 июня 2017 г.) / под общ. ред. М. В. Пименовой; Военный институт (инженерно-технический) ВАМТО. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2017. 88–92 с.

35. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : НАУКА, 1978. 200 с.

36. Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: Материалы 4-й Международной научно-методической конференции. Воронеж. : ИПЦ «Научная книга», 2016. 467 с.

37. Пуцилева, Л.Ф. Культурно детерминированные коннотации русских зоонимов и фитонимов: на фоне итальянского языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Пуцилева Лариса Филипповна; [Место защиты: С.-Петербур. гос. ун-т]. Санкт-Петербург : Санкт-петербургский государственный университет, 2009. 17 с.

38. Резчикова И. В. Типы лексико-семантической трансформации символа в поэтическом тексте. Филологические науки. 2004. №4. 58–66 с.

39. Сальникова В. В. Колоративная лексика в языковой картине мира героев произведений С. Т. Аксакова «Детские годы багрова-внука» и А. Н. Толстого «Детство Никиты». Пенза: Издательский Дом «Академия Естествознания», 2014. 552 с.

40. Седакова О. А. Стихи «Гнозис», «Carte Blanche», М. : 1994. 384 с.

41. Семёнова О. Н. О поэзии Иннокентия Анненского / (Семантическая композиция лирического цикла) // Преподавание литературного чтения в эстонской школе. Таллин : таллинский педагогический институт им. Э. Вильде, 1981. 80–106 с.

42. Сепир Э. Символизм // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, 1993. 205 с.

43. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка [Текст] / Г.Н. Скляревская. 2-е изд., стереотипное. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. 166 с.
44. Советский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983. 794 с.
45. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М. : Прогресс, 1998. 280 с.
46. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : Наука Год, 1973. 367 с.
47. Толстой, Н.И., Толстая, С.М. Имя в контексте народной культуры // Проблемы славянского языкознания. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2013. 240 с.
48. Фатюшина Е. Ю. Национальные особенности употребления фитонимов в художественном тексте. Тульский государственный университет, 2013. 421–426 с.
49. Фрейденберг О. М. Античные теории языка и стиля. М. : Книга по требованию, 2014. 342 с.
50. Хоружий С. С. Философский символизм Флоренского и его жизненные истоки. М. : Историко философский ежегодник, 1988 С. 100–130.
51. Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику : учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2010. 192 с.
52. Худенцова О. В. Особенности фразеологических единиц с флористическим компонентом : дис. канд. филол. наук. М. : изд-во МГЛУ, 2008. 213 с.
53. Часовникова, А. В. Христианские образы растительного мира в народной культуре : Петров крест, Адамова голова. Святая верба / А.В. Часовникова. М. : Индрик, 2003. 246 с.
54. Шендельс Е. И. Грамматическая метафора. – Филологические науки. 1972. № 3. 48-58 с.

55. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты [Текст] / под ред. А.П. Сковородникова. 3-е изд., стереотип. М. : ФЛИНТА, 2011. 480 с.
56. Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения / Контекст–1983. М. : Яз. славян. Культур, 2006. 221 с.
57. Morler H. Dictionnaire de poetique et de rhetorique. Paris : 1981. 1080 p.
58. Turbayne C. M. The Myth of Metaphor/ Yale Univ. Press : 1962. 73p.

Приложение А

Таблица А.1 – Третий компонент сравнения в метафорических наименованиях фитонимов в поэтическом тексте О. Седаковой

Вспомогательный субъект	Основной субъект	Terium comparationis	Аспект сравнения
садовник суровый	дикий шиповник	бесстрашный (<i>Дикий шиповник идет, / как садовник суровый, / не знающий страха</i>) [Седакова, «Дикий шиповник», 1994:13]	поведение
дух	сад	дремучий (<i>И сад, как дух, когда горели/ в огне, и землю клятвы ели, / и дух, как в древности, дремуч</i>) [Седакова, «Побег блудного сына», 1994:32]	состояние, облик
чердак	сад	высокий (<i>В саду высоком, как чердак</i>) [Седакова, «Кот, бабочка, свеча», 1994:39]	состояние, облик
рубаша	деревья	одежда (<i>Деревья на мне как рубаша</i>) [Седакова, «Горная колыбельная», 1994:66]	образ
свет	куст	облик (<i>Это свет или куст</i>) [Седакова, «Утро в саду», 1994:68]	образ
аккорд	роза	красиво, замысловато (<i>Как мелкие розы, аккорды цвели</i>) [Седакова, «Азаровка», 1994:71]	образ, поведение
сердце	капля	грустный (<i>Старая женщина с сердцем тяжелым, как капля на ягоде</i>) [Седакова, «Азаровка», 1994:71]	состояние
яда	ягода	ядовитый «Там ягода яда глядит из куста» («Там ягода яда глядит из куста») [Седакова, «Азаровка», 1994:71]	состояние

Продолжение таблицы А.1

Вспомогательный субъект	Основной субъект	Terium comparationis	Аспект сравнения
стакан	тополь	облик (<i>тополь стоит, как латыни стакан</i>) [Седакова, «Азаровка», 1994:71]	образ
Ригведа	яблоня	облик (<i>яблоня-мать, молодая Ригведа</i>) [Седакова, «Азаровка», 1994:71]	образ
цветок	душа	облик (<i>Душа похожа на /широкий круг глядящих на событие: /оно идет, оно еще в слезах - /и в первом счастье, требующем счастья, /оно уходит. Это как цветок</i>) [Седакова, «Легенда двенадцатая», 1994:89].	образ
сук	земля	схожесть по звучанию – хруст, треск (<i>трещала земля, как /надломленный сук</i>) [Седакова, «Алатырь» 1994:91].	состояние, образ
бамбук	камни	быстро (<i>и камни другие росли, /как бамбук</i>) [Седакова, «Из песни Данте», 1994:271]	состояние, образ
сад	она лежит (лирическая героиня)	таинственно (<i>и она лежит, как тихий вход /в темный сад</i>) [Седакова, «Сказка», 1994:93]	состояние, образ
роза	гибель	красивый (<i>там гибель розой молодой /на грудь упадет с высоты</i>) [Седакова, «Врата. Окна. Арки», 1994:173]	образ
вода	роза	состояние (<i>где роза плещет, как вода</i>) [Седакова, «Тристан и Изольда», 1994:102]	образ, поведение
бутоны	огонь	образность (<i>По ней плывет венок твой новый, непробудный - / бутоны свечек, факелов цветы</i>) [Седакова, «Тристан и Изольда», 1994:102]	образ

Продолжение таблицы А.1

Вспомогательный субъект	Основной субъект	Terium comparationis	Аспект сравнения
цветы	огонь	образность (<i>факелов цветы</i>) [Седакова, «Азаровка», 1994:71]	образ
липа	мука	облик (<i>но есть у нас рассказ, где мука роковая /шумит-волнуется, как липа вековая</i>) [Седакова, «Ночь», 1994:83]	образ, поведение
полынь и сорные травы	жизнь	терпеливый (<i>против жизни /моей терпеливой, /как полынь и сорные травы</i>) [Седакова, «Вторая тетрадь», 1994:142]	состояние
чечевица	зеркальце	маленький размер (<i>зеркальце вьется рядом /величиной с чечевицу /или как зерно просяное</i>) [Седакова, «Вторая тетрадь», 1994:142]	образ, поведение
деревья	жить мы долго	длительность (долгая) (<i>будем жить мы долго, так долго, /как живут у воды деревья</i>) [Седакова, «Вторая тетрадь», 1994:142]	поведение
сад	они (бусы)	цвет (яркие) (<i>пестрые они, простые, /как сад и в саду павлины</i>) [Седакова, «Вторая тетрадь», 1994:142]	образ
солома	грехи	легковоспламеняемый (<i>и умершим, Господи, умершим - /пусть грехи их вспыхнут, как солома</i>) [Седакова, «Третья тетрадь», 1994:159]	состояние
сады	слово	таинственное (<i>ты, слово мое, как сады в глубине</i>) [Седакова, «Семь стихотворений», 1994:175]	образ, состояние
деревья и дуб	молния	разветвленный (<i>как молнии мгновенные деревья /и разветвленные, как дуб</i>) [Седакова, «Семь стихотворений», 1994:175]	образ

Продолжение таблицы А.1

Вспомогательный субъект	Основной субъект	Terium comparationis	Аспект сравнения
деревья	я (лирический герой)	спокойно (и буду спать в корнях его глубоких, /как спят деревья при живых потоках) [Седакова, «Горная ода», 1994:182]	поведение
яблоко	тревога	круглый (где круглая, как яблоко, тревога) [Седакова, «Горная ода», 1994:182]	образ
розы	время	узорчатый, витиеватый (и навстречу, как розы в партере, /время, время в бессмертных слезах) [Седакова, «Маленькое посвящение Владимиру Ивановичу Хвостину», 1994:187]	образ
сад	это	живой (не я ли раздвинул тяжелые вещи, чтоб это дышало и было как сад) [Седакова, «Последний читатель», 1994:188]	образ, поведение
деревом	мы	прочный и чистый (мы, должно быть, бываем тем /деревом прочным и чистым) [Седакова, «Последний читатель», 1994:188]	состояние
зернышко	мгла	маленький (мгла осени, как зернышко, лежит) [Седакова, «Осень, огонь и путник», 1994:194]	образ, поведение
кусты и деревья	иероглифы	витиеватый (иероглифами кустов и деревьев /с нажимом и без нажима пишут и пишут) [Седакова, «Врата. Окна. Арки», 1994:173]	образ
цветы	взгляд	красивый и долгий (взгляд) (и высокими цветами эпитет, /смотрит в низкое окно) [Седакова, «Сказка, в которой почти ничего не происходит»1994:216]	образ

Продолжение таблицы А.1

Вспомогательный субъект	Основной субъект	Terium comparationis	Аспект сравнения
цветок	времени	важный момент (какого-либо времени для лирического героя) (<i>есть времени цветок, он так цветет</i>) [Седакова, «Стансы первые»1994:225]	образ, состояние
орех, сушеный мак, горчишное зерно	место	маленький размер (<i>все водят, это прячется: в орех, /в ближайший миг, где шумно и черно, /в сушеный мак, в горчишное зерно</i>) [Седакова, «Стансы первые»1994:226]	образ
роща	лёд	высокий (<i>за ней пойдут соцветья и цветы /в арктическую рощу высоты</i>) [Седакова, «Стансы первые»1994:227]	образ, состояние
орех	поэзия	специально (<i>поэзия, мне кажется, для всех тебя растят, как в Сербии орех</i>) [Седакова, «Пятые стансы»1994:255]	поведение
плод	результат	конечная точка чего-либо (<i>но кто смирен - живет, не вымогая перемен, / а трудится и собирает плод метафора своих трудов</i>) [Седакова, «Элегия переходящая в Реквием»1994:259]	поведение
сосной	кисть	форма (<i>о, взять бы все - и всем и по всему/ или сосной, макнув ее в Везувий</i>) [Седакова, «Элегия переходящая в Реквием»1994:260]	образ
солома	это (красота, вздох земли)	вместе, близко (<i>красота, когда смеется небо, и вздох земли, / когда сбегает снег, – все это ляжет вместе, как солома</i>) [Седакова, «Портрет художника на его картине», 1994:83]	образ, поведение

Продолжение таблицы А.1

Вспомогательный субъект	Основной субъект	Terium comparationis	Аспект сравнения
можжевелики	дети	стихийно (внизу, как можжевелики при ветре, / друг друга будут дети обнимать) [Седакова, «Портрет художника на его картине», 1994:84]	образ, поведение
сад	все	легко (все исчезает, как висячий сад) [Седакова, «Портрет художника на его картине», 1994:84]	образ, поведение
роза	рассвет	схожесть по цвету, красоте (ты, мысль моя, ты, ясная Кифера, / ты, розы поднебесной привиденье) [Седакова, «Портрет художника на его картине», 1994:84]	образ
роза	рассвет	схожесть по цвету, красоте (и первой розой перевернут мрак) [Седакова, «Портрет художника на его картине», 1994:84]	образ

Приложение Б

Методические материалы для анализа символического и метафорического употребления фитонимов, а также особенностей употребления фитонимов как средств выразительности, в частности эпитетов, из сборника О. Седаковой «Стихи»

1. Из школьных стихов

Неужели, Мария,
только рамы скрипят
только стекла болят и трепещут?
Если это не *сад* – (синтаксическое средство отрицание)
разреши мне назад,
в тишину, где задуманы вещи.

Если это не *сад*, (синтаксическое средство отрицание)
если рамы скрипят
оттого, что темней не бывает,
если это не тот заповеданный *сад*,
(синтаксическое средство отрицание, подразумевающее противопоставление «не тот сад, а другой?» и в последующих строчках мы наблюдаем какой «другой сад» - «мой сад»)
где голодные дети у яблонь сидят
и надкушенный плод забывают,

где не видно ветвей,
но дыханье темней
и надежней лекарство ночное...
Я не знаю, Мария, болезни моей,
это *сад* мой стоит надо мною.
(синтаксическое отрицание подразумевающее противопоставление «не тот сад, а другой?» и в последующих строчках мы наблюдаем какой «другой сад» - «мой сад»)

Стихотворение содержит фитоним «сад», являющийся именем существительным и обозначающим общепринятое наименование территории с посаженными человеком плодовыми деревьями, кустарниками и цветами. В стихотворении закольцованная композиция, которая используется с целью привлечь особое внимание к фитониму «сад» [Ожегов 2006].

Синтаксическое средство отрицание, которое осуществлено с помощью отрицательной частицы «не» (Если это не сад). Отрицание подразумевающее противопоставление «не тот сад, а другой?» и в последующих строчках мы наблюдаем какой «другой сад» – «мой сад»)

Далее наблюдается комбинированное использование приёмов и средств выразительной речи. Так, комбинация лексического повтора и синтаксического параллелизма – лексико-синтаксический повтор (повторение – фигура, состоящая в повторении слов, выражений, песенной или стихотворной строки с целью привлечь к ним особое внимание): «Если это не сад» – 4 раза. Данный прием речи определяется как акт использования или образования номинативной единицы в целях усиления выразительности речи.

Поэтический троп «заповеданный сад» выступает как семантически двуплановое наименование, используемое в качестве декоративных средств художественной речи. Принадлежность к разряду тропов мы определили по трем критериям: 1) знаковость (троп – это номинативная единица); 2) двуплановость (семантический критерий); 3) декоративность (функциональный критерий, предполагающий ограничение сферы использования тропов художественной речью; Также, мы определили, что тропы являются следствием стремления носителя языка (в данном случае автора) к эвсемии [греч. *eu* ‘благородный’, *sema* ‘знак’] – украшению внутренней формы номинативных единиц.

2. Дикий шиповник. Легенды и фантазии.

Ты развернешься в расширенном сердце страданья,
дикий шиповник, (синтаксическое средство обращение)
о,
ранящий сад мирозданья. (синтаксическое средство обращение)

Дикий шиповник и белый, белее любого.
Тот, кто тебя назовет, переспорит Иова.

Я же молчу, исчезая в уме из любимого взгляда,

глаз не спуская
и рук не снимая с ограды.

Дикий шиповник

идет, как садовник суровый, (сравнение и персонификация и эпитет)
не знающий страха,
с ***розой пунцовой***,
со спрятанной раной участья под дикой рубахой.

Стихотворение содержит фитонимы «шиповник», «сад», «роза» являющийся именами существительными и обозначающим: 1) шиповник – конкретное наименование цветкового растения, дикая кустарниковая роза с простыми, не махровыми цветками и со стеблями, покрытыми шипами. 2) роза – собирательное название видов и сортов представителей рода Шиповник, выращиваемых человеком. 3) сад – общепринятое наименование территории с посаженными человеком плодовыми деревьями, кустарниками и цветами [Ожегов 2006].

В первом четверостишии мы наблюдаем обращение к фитонимам «дикий шиповник» и «ранящий сад мирозданья». Обращение сопровождается особой звательной интонацией и обособляется с обеих сторон. Употребления данного приема позволило автору переменить коннотативное ядро данных лексем и выйти на такой стилистический прием как персонификация.

В стихотворении наблюдается комбинированное использование приёмов и средств выразительной речи. Так, комбинация лексического повтора и синтаксического параллелизма – лексико-синтаксический повтор «Дикий шиповник» – 3 раза. Данный прием речи определяется как акт использования или образования номинативной единицы в целях усиления выразительности речи.

Поэтические тропы «дикий шиповник», «ранящий сад», «роза пунцовая» выступает как семантически двуплановое наименование, используемое в качестве декоративных средств художественной речи. Также, мы определили, что тропы являются следствием стремления носителя языка

(в данном случае автора) к эвсемии (украшению внутренней формы номинативных единиц).

В последней части стихотворения мы отметили такой вид тропа как метафора. Одна из особенностей содержания метафорических наименований заключается в их смысловой двуплановости. Компаратор (объект сравнения) при «вторичных» метафорах может быть выражен не только метафорическим наименованием, но и компаративной конструкцией как в данном стихотворении (Дикий шиповник/ идет, как садовник суровый). План выражения метафорического знака представлен словом-параметром. Слово-параметр, как и лежащее в его основе сравнение указывает на компаратор (второй субъект сравнения «садовник»). Ключом к смысловой интерпретации слова-параметра служит грамматически связанное и обычно контактирующее с ним слово, которое принято именовать словом-аргументом. Слово-аргумент указывает на компарант (первый субъект сравнения фитоним «шиповник»).

3. Побег блудного сына

Пускай любовь по дому шарит,
и двери заперты на ключ -
мне *черный сад* в глаза ударит,
шатаясь, как фонарный луч.
И *сад*, как дух, когда горели
в огне, и землю клятвы ели,
и дух, как в древности, дремуч.

Стихотворение содержит фитоним «сад», являющийся именем существительным и обозначающим общепринятое наименование территории с посаженными человеком плодовыми деревьями, кустарниками и цветами [Ожегов 2006].

В стихотворении мы отметили поэтический троп «чёрный сад», который выступает как семантически двуплановое наименование, используемое в качестве декоративных средств художественной речи. Также,

мы определили, что троп являются следствием стремления носителя языка (в данном случае автора) к эвсемии [греч. *eu* 'благородный', *sema* 'знак'] – украшению внутренней формы номинативных единиц.

Во второй строчке стихотворения наблюдается символика цвета. Символ представляет собой «конкретный чувственный образ», осмысленный как знак абстрактного понятия. Лексема «черный» (черный сад) несет в себе отрицательную коннотацию. Мы отметили такую разновидность символов как словесные. Их основой является дескриптивная (апеллирующая к сенсорике) лексика, именно поэтому отличительной чертой символа является то, что он «может быть не только назван, но и изображён». Таким образом, словесный символ представляет собой дескриптивный портрет абстрактной идеи. В данном случае словесный символ имеет речевой, индивидуально-авторский характер. Источник данной словесной символизации метафорическое ассоциирование.

Также мы отметили такой вид тропа как олицетворение «черный сад в глаза ударит». Употребление данного приема позволило автору переменить коннотативное ядро лексемы и выйти на такой стилистический прием как персонификация.

В пятой строчке стихотворения мы отметили такой вид тропа как метафора. Одна из особенностей содержания метафорических наименований заключается в их смысловой двуплановости. Компаратор (объект сравнения) при «вторичных» метафорах может быть выражен не только метафорическим наименованием, но и компаративной конструкцией как в данном стихотворении (И сад, как дух). План выражения метафорического знака представлен словом-параметром. Слово-параметр, как и лежащее в его основе сравнение указывает на компаратор (второй субъект сравнения «дух»). Ключом к смысловой интерпретации слова-параметра служит грамматически связанное и обычно контактирующее с ним слово, которое принято именовать словом-аргументом. Слово-аргумент указывает на компарант (первый субъект сравнения фитоним «сад»).

4. Прощание

Я тоже из тех, кому больше не надо,
и буду стоять, пропадая из глаз,
стеклянной террасой из *темного сада*
любуюсь, как дождь, обливающий нас,
как полная сердца живая ограда
у стекол, пока еще свет не погас.

Ограда прощания и поминанья,
! целебная ткань, облепившая знанье.

и кто-то кивает, к окну подойдя,
лицу сновиденья, смущенья, дождя.

Стихотворение содержит фитоним «сад», являющийся именем существительным и обозначающим общепринятое наименование территории с посаженными человеком плодовыми деревьями, кустарниками и цветами [Ожегов 2006].

В стихотворении мы отметили поэтический троп «тёмный сад», который выступает как семантически двуплановое наименование, используемое в качестве декоративных средств художественной речи. Также, мы определили, что троп является следствием стремления носителя языка (в данном случае автора) к эвсемии [греч. eu ‘благородный’, sema ‘знак’] – украшению внутренней формы номинативных единиц.

5. Странное путешествие

Мы проезжали *поля*, и *поля* отражали друг друга,
листья из *листьев* летели, и круг выпрямлялся из круга.
Или свиданье стоит, обгоняющий *сад*,
где ты не видишь меня, но увидишь, как *листья* глядят,
слезы горят,
и само вещество поклянется,
что оно зрением было и в зренье вернется.

Стихотворение содержит фитонимы «поле», «листья», «сад» являющийся именами существительными и обозначающим: 1) поле – безлесная равнина, пространство, а также обрабатываемая под посев земля,

участок земли.2) листья – орган воздушного питания, газообмена и фотосинтеза растений в виде тонкой, обычно зеленой пластинки. Овальный, округлый, игловидный, стреловидный, чешуйчатый. Листья дерева, куста. 3) сад – общепринятое наименование территории с посаженными человеком плодовыми деревьями, кустарниками и цветами [Ожегов 2006].

В стихотворении наблюдается комбинированное использование приёмов и средств выразительной речи. Так, комбинация лексического повтора и синтаксического параллелизма – лексико-синтаксический повтор фитонимов «поле» и «листья». Данный прием речи определяется как акт использования или образования номинативной единицы в целях усиления выразительности речи.

Поэтические тропы «обгоняющий сад» выступает как семантически двуплановое наименование, используемое в качестве декоративных средств художественной речи. Также, мы определили, что троп являются следствием стремления носителя языка (в данном случае автора) к эвсемии (украшению внутренней формы номинативных единиц).

Также мы отметили такой вид тропа как олицетворение «как листья глядят». Употребление данного приема позволило автору переменить коннотативное ядро лексемы и выйти на такой стилистический прием как персонификация.

Приложение В

Внеклассное мероприятие

Разработка урока по теме «Фитонимическая лексика в поэзии
О. Седаковой»

Предмет «Внеклассное мероприятие»

Класс: 7

Тема урока: Фитонимическая лексика в поэзии О. Седаковой.

Тип урока: Урок «открытия» новых знаний.

Деятельностная цель: Формирование способности учащихся к новым способам действия.

Образовательная цель: Расширение понятийной базы за счёт включения в неё новых элементов.

Цели урока:

- обучающие: создать условия для формирования понятий о словах «фитонимы», «символ», «метафора», «эпитет»; научиться определять символическое и метафорическое употребление фитонимов, а также особенности употребления фитонимов как средств выразительности, в частности эпитетов в творчестве О. Седаковой.

- развивающие: развивать логическое мышление, речь;

- воспитательные: стимулировать развитие интереса к русскому языку, наблюдательности по отношению к языковым явлениям.

Ход урока:

Под фитонимами понимаются названия растений (от греч. *phytón* «растение» и *ónoma* «название, имя»). Царство растений с давних пор оказывает большое влияние на людей. С самого начала своего существования на земле человек наблюдал за растениями, тщательно изучал их полезные и вредные свойства. Каждый этнос, в соответствии с его географическим месторасположением, имеет дело с общими и особыми видами растений. Сделать растения объектом исследования науки флористики позволил их

многовековой опыт изучения. Термин флора от латинского *floris* «цветок» понимается сейчас как «эволюционно - исторически сложившийся комплекс растений, которые произрастают на конкретной территории или в составе индивидуального растительного сообщества, имеющего пространственную характеристику.

Мир растений по-своему специфичен и невероятно уникален. Деревья, цветы, травы в сознании народов являются хранителями древнейших традиций, а также применяются именно в создании образа «совершенного» человека. Растительный мир активно участвует в жизни людей, сопровождая их с рождения и до смерти. Символические действия с растениями определяют ключевые этапы в жизни человека, помогают увидеть тот или иной путь уготовленный ему судьбой. Растения часто используются во фразеологических оборотах, аллегорических выражениях, а также поэзии.

Символ представляет собой «четко ощущаемое сверхчувственное изображение», осознанный как знак отвлеченного определения. Из этого следует то, что смежным родовым определением для понятия символ является знак.

Символы устанавливают связь между реальным образом и метафизическим, т.е. отвлеченным, они соединяют воедино известные представления, понятия, идеи. Например, понятия рай и кровь Христова и идеи христианства. Изображения символов показывают мир незримым и абстрактным в образе вещей и явлений реального мира, например, рай изображается в виде сада, кровь Христа в виде розы, и т.д. Причина этому, с одной стороны, свойство человеческой природы, что мы не можем непосредственно созерцать духовные предметы, и вынуждены в свойственных нам книгах и учебниках, в которых все невероятное и фантастическое представляется в ясных для нас образах.

В русском и других языках довольно сильно разработана символика цвета: чёрные дни, чёрная роза печали, пурпур как символ крови Христа.

В символическом употреблении фитонимов в сборнике О. Седаковой «Стихи» в значительной степени разработана символика цвета. Символы могут быть подразделены на словесные и несловесные. Словесный символ имеет два характера: речевой, индивидуально-авторский и устойчивый, языковой. Источниками словесной символизации становятся два типа ассоциирования: метафорическое и метонимическое.

Пример символики цвета:

*Пускай любовь по дому шарит,
и двери заперты на ключ -
мне **черный сад** в глаза ударит,
шатаюсь, как фонарный луч.
И сад, как дух, когда горели
в огне, и землю клятвы ели,
и дух, как в древности, дремуч
[Седакова, «Побег блудного сына», 1994:32].*

Пример словесных символов, имеющих индивидуально-авторский характер:

*Как древний герой, выполняя задание,
из сада мы вынесем яблоки ночи
и вышьем, и выткем свое мирозданье
[Седакова, «Ночное шитьё», 1994:81].*

Метафорическое употребление – это взаимодействие двух элементов, представляющих два семантических поля, чем дальше друг от друга «словарные поля», которые метафорически сопоставляются, тем ярче метафора.

Анализ отобранного материала в творчестве О. Седаковой «Стихи» показал, что специфика значения метафор и метафорических номинаций состоит в их семантической многоплановости.

Пример метонимического ассоциирования:

*Ты, мысль моя, ты, ясная Кифера,
ты, **розы поднебесной привиденье**
Верни ему весь **одичавший сад** –
в цветной воде, в утешенных слезах
Содом, перерожденный на глазах, –
все будет ложь, и ничего как ложь*

[Седакова, «Портрет художника на его картине», 1994:83].

Пример метафорического ассоциирования:

Сажая

*свои **неимоверные сады,***

Садовник ли их менее жалеет,

чем ты? О, ум из нищенской руды

[Седакова, «Из песни Данте», 1994:271].

В сборнике О. Седаковой «Стихи» кроме основного и вспомогательного субъектов следует выделять: аспект сравнения, определяющий сферу соответствия элементов метафоры; их общий признак – *terium comparationis* (третий компонент сравнения).

Например, вспомогательный субъект – «садовник суровый», основной субъект – «дикий шиповник», *terium comparationis* – бесстрашный «Дикий шиповник идет, / как садовник суровый, / не знающий страха» («Дикий шиповник»), аспект сравнения – поведение.

К числу изобразительных средств относятся приёмы и средства, которые служат образной интерпретации предметов и явлений окружающей действительности. В изобразительной функции используются эпитеты и сравнения, средства словесной образности.

Эпитет (ср. греч. *epitheton* «причисленный, добавленное»), в определённом понимании может быть определением, особым понятием, которое выполняет функцию поэтического представления некоего предмета или явления, трактовку и освещение его изображения.

В творчестве О. Седаковой «Стихи» эпитеты выступают как семантически многоплановое наименование, используемое в качестве декоративных средств художественной речи.

1. Эпитеты с прямым значением: и буду стоять, пропадая из глаз, / стеклянной террасой из темного сада [Седакова, «Прощание», 1994:27].

2. Метафорический перенос: оттого, что темней не бывает, / если это не тот заповеданный сад [Седакова, «Неужели, Мария, только рамы скрипят», 1994:6].

3. Метонимический перенос: дикий шиповник / идет, как садовник суровый, / не знающий страха, / с розой пунцовой, / со спрятанной раной участка под дикой рубахой. (метонимический перенос значения крови) [Седакова, «Дикий шиповник», 1994:13].

Национальная специфика картины мира формируется благодаря объективным характеристикам отражаемых предметов и эмоционального отношения к ним. Фитонимы необходимы для развития языковой картины мира не только как элемент природы, произрастающий в той или иной местности и обладающий теми или иными биологическими характеристиками, но и как объект, который вызывает определенное отношение и образы.

Фитонимические единицы представляют собой ценную культурологическую концепцию, которую применяют в изучении предназначения растений в темах веры, истории, этноса, мифов, культуры и устного народного творчества.

Приоритет, отдаваемый в использовании фитонимических единиц, и личная интерпретация каких-либо предметов и явлений представляются главным способом изображения личной авторской картины мира поэта, что определяет их важность в исследовании читателем представленной в художественной речи картины мира и правильной ее определённости и трактовки.

Таким образом, анализируемые тексты в творчестве О. Седаковой, благодаря взаимодействию фитонимов и таких поэтических тропов как эпитеты, пронизаны символической (как древний герой, выполняя задание, / из сада мы вынесем яблоки ночи / и вышьем, и выткем свое мирозданье [Седакова, «Ночное шитьё», 1994:81]), метафорической (сажая / свои невероятные сады, / Садовник ли их менее жалеет, / чем ты? О, ум из нищенской руды [Седакова, «Из песни Данте», 1994:271]), метонимической (ты, мысль моя, ты, ясная Кифера, / ты, розы поднебесной привиденье / Верни ему весь одичавший сад – / в цветной воде, в утешенных слезах /

Содом, перерожденный на глазах, – / все будет ложь, и ничего как ложь [Седакова, «Портрет художника на его картине», 1994:83]).

Фитонимические единицы в роли местных, этнических, культурных и эмоционально-чувствительных указателей в художественном творчестве выявляют важные семантические и концептуальные свойства поэтической картины мира.